

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АЛЕКСЕЙ ЛЮТЫЙ
X-АССЕНИЗАТОРЫ

ОТВЕТНЫЙ ПЛЕВОК

БЕЗБАШЕННЫЙ КОСМИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

X-ассенизаторы

Алексей Лютый

Ответный плевок

«Научная книга»

Лютый А.

Ответный плевок / А. Лютый — «Научная книга», — (X-ассенизаторы)

Супергруппа спецназа будущего, сформированная из профессионалов разных стран, создана, чтобы поставить на место обнаглевших инопланетян, которые творят всякие безобразия на Земле-матушке. Бойцы отряда, в который входят русский, украинец, немец, еврейка и темнокожий американец, именуются «X-ассенизаторами» и они очистят наш общий земной дом от разгулявшейся космической нечисти!

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	12
ГЛАВА ВТОРАЯ	25
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Лютый

Ответный плевок

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВНАЯ ИНОПЛАНЕТНАЯ ТАЙНА

*И кто его знает,
Чего он моргает?
Язык выщипывает,
Удавку снимает?..*

ПРОЛОГ

Земля. Год две тысячи какой-то. Не зима, это точно. Хотя, если смотреть на Африку... Местное время тоже не известно, потому как электричество кончилось. Но поскольку вокруг темно, то очевидно, что обед уже прошел. Хотя кто-то все-таки до сих пор жрет...

Из речи докладчика (та ее часть, которую удалось прочесть при свете):

– ...Сейчас, когда население Земли достигло невиданных доселе высот цивилизации, в частности, воздвигло на вершине Джомолунгмы деревянный столб, с верхушки которого каждый желающий гуманоид может совершенно беспрепятственно снять халявные кирзовые сапоги, нашлись злые завистники, стремящиеся во что бы то ни стало разрушить идиллию нашего мира и попать своими анатомически неправильными ногами законы демократии! – в зале возмущенный рев тысяч глоток, а затем крик докладчика:

– Да выключите вы на хрен эту чертову фонограмму! Мы не на митинге в Оклахоме!.. И не стенографируйте последнее заявление.

Секретарь:

– Об Оклахоме, сэр?

Докладчик:

– Все три, идиот!

Секретарь:

– Какие именно, сэр?

Возмущенный рев ты... то есть одной глотки, а именно глотки докладчика, и три вежливые (без мата) просьбы из зала о продолжении доклада.

– Так вот, пока вся цивилизация Земли надрывалась, испытывая постоянные тяготы и лишения в целом, в частности, платя за газ, свет и коммунальные услуги, некоторые, не побоюсь этого слова, халявщики, решили, что можно совершенно безвозмездно, то есть даром, всем этим пользоваться. В том числе отбирать у самогонщика дяди Васи созданный тяжким трудом и безмерным самопожертвованием месячный запас «бормотухи»...

Возмущенный рев в зале. На этот раз только в три глотки, но оралли они так, что докладчику мало не показалось. Суть выкриков – «оставим частности, перейдем к делу» и «чего это вы вспомнили нашего дядю Васю?»

– Хорошо, помпезности в сторону. Перейдем к сути. Всем вам известно, что не так давно, а именно совсем недавно, нас посетили инопланетяне...

Выкрик из зала:

– Белая горячка вас посетила!

– Ну, хорошо. Скажем грубее – на Землю началось вторжение пришельцев...

Именно на это фразе неизвестными диверсантами было отключено электричество. На несколько секунд помещение погрузилось не только во тьму, но и в полную тишину, в которой отчетливо стало слышно чье-то смачное чавканье. Некоторое время человек жрал совершенно бессовестно, а затем осознал свою бестактность по отношению к остальным голодающим планеты и громко сглотнул плохо пережеванную пищу. Тут же раздалось чье-то совершенно невежливое покашливание, и вкрадчивый отрывистый голос произнес:

– Ну, что? Так и будем в темноте сидеть? Может, шторы откроем? Или мне лично за Чубайсом Третьим в Лондон сходить?

Посылать обладателя вкрадчивого голоса за Чубайсом, тем более Третьим, да еще и лично, пешком в Лондон никто не хотел. Поэтому чьи-то невидимые руки, попав по пути в несколько пар глаз, торопливо отыскивали шторы и принялись тащить их в разные стороны. По мере их раздвижения в комнате становилось светлее и вскоре выяснилось, что, во-первых, на улице далеко не полночь, а во-вторых, пальцами попали не в несколько пар глаз, а только в одни. Но зато четыре раза. Обладатель пострадавших зрительных органов, полный и низкорослый мужчина явно китайской внешности, теперь усиленно моргал и тер кулаками глаза. И он был единственным, кого совершенно не заинтересовало, что в комнате стало светлее. Зато теперь китайца крайне волновал адрес ближайшего окулиста.

Кроме вышеупомянутого китайца, который, кроме того, что оказался временно лишенным зрения, был еще и по совместительству президентом, отцом и Великим Кормчим всея Великая, Белая, Малая и прочая Азия, начиная от восточных границ Индии, кончая западным побережьем Америки, и для краткости именуемой Китай, в комнате было еще несколько человек.

Слева от китайца, которого, кроме всего вышперечисленного, еще и звали Мао Дзе, сидел моложавый мужчина семидесяти лет, склонный к полноте и запоздалому облысению. На мужественном глуповатом лице мужчины застыла ослепительно идиотская голливудская улыбка, по которой можно было с легкостью узнать деревенского пастуха из Оклахомы, совершенно неожиданно для себя самого ставшего Президентом Соединенных Штатов Америки. Причем давно и, поскольку теперь, после появления пришельцев, президентами никто становиться не хотел, видимо, надолго. Звали его Просто Джордж, но в определенных кругах он был известен и под другими именами: Авраам Линкольн, Джордж Вашингтон, Гарри Трумэн и другие. На мужчине была одета засаленная ковбойская шляпа, прекрасно сочетавшаяся с изысканным фраком и высокими остроносими ботинками, отягощенными сверкающими шпорами.

Следом за ним – хотя это еще как посмотреть! – за круглым столом в просторном кожаном кресле удобно расположился худощавый подтянутый мужчина в строгом костюме. Взгляд его был светел и чист, и казалось, что он через секунду наделает по десятку абсолютно стерильных дырок в каждом из присутствующих. Звали его... Хотя вот его-то никогда и не звали. Он сам всегда приходил туда, куда считал нужным. А вот обращались к худощавому мужчине исключительно «господин Президент», что было недалеко от истины, поскольку он являлся президентом России. И этим все сказано.

Ну а замыкал круг огромный светловолосый человек с внешностью громилы. В данной ситуации его можно было бы счесть хозяином кабинета, поскольку три президента сейчас были на вверенной ему территории. А именно – в одной из стран Евросоюза, главой которого и являлся громила. Звали его Бернارد Еханссон. Когда-то он был шведом, но так давно не появлялся на родине, что с трудом мог вспомнить, на каком континенте находится Стокгольм.

– Хорошо. Вопрос с освещением можно считать решенным, – кивнув головой, вынес вердикт российский Президент. – Далее. Господин Еханссон, скажите, пожалуйста, почему это

у вас, в Европе, начались перебои с электроснабжением населенных пунктов? Может быть, вас к нашему Дальнему Востоку высоковольткой присоединить? Вместе будете перебиваться...

– Спасибо, нам и тут не жарко, – вежливо отказался глава Евросоюза. – А по поводу перебоев могу сказать одно. Что?.. – Еханссон вопрошающе посмотрел на собравшихся, подняв вверх руку с указующим куда-то в потолок перстом, и сам себе ответил: – А то, что вокруг одни пришельцы. Электрический кабель, наверное, перегрызли. И теперь что?..

– Прекратите, в конце концов, сами с собой разговаривать. Вы же не доклад в госдуме делаете, – оторвал его Президент. – И потом, на случай перегрызания кабеля нужно иметь аварийную систему освещения. Почему у вас ее нет?

– А откуда ей взяться? – удивился глава Евросоюза. – Мы же в цивилизованном мире живем, а не в какой-нибудь России. У нас свет не отключают...

– Теперь будут. Я об этом лично позабочусь, – пообещал Президент России и, прежде чем Еханссон сумел прийти в себя от удивления, постучал пальцем по столу. – А теперь давайте вернемся к повестке дня нашего собрания.

– Я полностью поддерживаю Россию! – рявкнул со своего места Мао Дзе. – Пора, наконец, и о Европе кому-нибудь позаботиться. У меня для этих целей даже десятков-другой миллионов нетрудоустроенных китайцев найдется. Вмиг от Варшавы до Лондона перебои устроим. И не только с электричеством...

– Господин Мао, мы уже о говорим другом, – укоризненно покачал головой российский Президент.

– А куда же двадцать миллионов несчастных китайцев девать? – совершенно несчастным голосом поинтересовался Мао Дзе и, поймав укоризненный взгляд Президента, замолчал.

Впрочем, замолчал не только он. Затихли все члены экстренного совещания. И вызвано это было отнюдь не тем, что господа президенты принялись глубокомысленно обдумывать возможную судьбу полчищ китайцев, жаждавших где-нибудь устроиться. Просто господин Еханссон, не пожелавший дальше слушать злословия несчастных китайских безработных, включил видеомэгафон. На экране огромного телевизора, занимавшего почти всю заднюю стену кабинета, тут же появилась наглая инопланетная морда. В принципе, морда эта от человеческой мало чем отличалась. Имела она те же два глаза, два уха, один нос и рот, соответственно, в единственном экземпляре. Однако уши были длиннее человеческих и зачем-то заострились вверху, нос не слишком сильно отличался от соответствующего органа, некогда принадлежавшего Буратино, да и глаза были пьяные.

Камера изменила позицию, и стало видно, что инопланетянин болтается в воздухе на высоте четырехсот метров без видимых признаков присутствия каких-либо подручных средств, прямо перед окном высотного здания, явно напоминавшего резиденцию Еханссона. Затем оный индивидуум, в длинном, невообразимого покроя, фиолетовом плаще каким-то невероятным способом, даже не пошевелив руками, сумел открыть окно и совершенно бессовестно пробрался к бару, заставленному всевозможными напитками. Причем, вынул из него инопланетянин не что-нибудь, а полную бутылку «Вдовы Клико».

В ту же секунду в комнату ворвались трое здоровых лбов, одетых в строгие черные костюмы и с пистолетами наперевес. На мгновение они застыли в дверях, удивленно глядя на страхолюдного наглеца, и лишь когда тот направился обратно к окну, бросились его арестовывать.

Однако с пленением наглого инопланетянина у телохранителей главы Евросоюза ничего не вышло. Едва увидев наставленные на себя пистолеты, пришелец вдруг совершенно наглым образом повернулся спиной к браво́й троице охранников и что-то быстро принялся щебетать, словно воробей у кормушки. В декабре. Телохранители в ту же секунду замерли, удивленно переглянувшись. Затем тот, кто стоял в центре, бросил пистолет на пол и вероломно, без удара гонга, зарядил кулаком в ухо своему соседу справа. Подвергшийся подлой атаке экс-соратника

по охране здоровый бугай жалобно ойкнул и, схватившись за нос, захныкал. Третий амбал, почесав репу, решил не оставаться в стороне от увлекательнейшего занятия, именуемого в народе «мордобой», и врезал первому ногой по затылку. Тот полетел вперед и, проехав на брюхе по полированному столу, на пару секунд успокоился в развалинах некогда вполне целого бара. Увидев столь впечатляющий полет своего обидчика, второй охранник перестал хныкать и совершенно неожиданно для присутствующих стукнул кулаком в живот своего заступника.

Через пару секунд, под удивленными взглядами трех президентов и ухмыляющегося Еханссона, все трое охранников на экране телевизора упоенно лупили друг друга, побрякивая от удовольствия. А пришелец тем временем как ни в чем не бывало спрятал бутылку «Вдовы Клико» под свой длинный плащ и, немного подумав, уцепил со стола три высоких фужера. Затем, продемонстрировав ошеломленным президентам длинный, почти до пояса, узкий язык, инопланетянин спокойно выпорхнул в окно и, аккуратно прикрыв его за собой, исчез из их поля зрения. Едва он исчез, охранники перестали драться и, удивленно посмотрев друг на друга, бросились к окну. На сим фильм и закончился.

– Да. Ну и дисциплинка у вашей охраны, господин Еханссон, – укоризненно покачал головой российский Президент. – Интересно, что бы стало, если бы, извините за прямоту, эта фиолетовая гнида решила вас вместо «Клико» стащить?

– Дисциплина тут ни при чем, господин Президент, – горестно вздохнул глава Евросоюза и посмотрел на остальных членов саммита. – А что?.. Правильно! Бессилие перед психическим воздействием! – а затем вновь уставился на российского Президента. – Это у вас, извините за прямоту, в дикой России... Что? Правильно, пришельцам делать нечего. А нас, цивилизованную Европу, они уже, извините за прямоту, задолбали!..

– Я не понял. Господин Еханссон, вы меня передразниваете? – российский Президент удивленно вскинул брови. – Может быть, мне башмаком по столу стукнуть?

– Эй, господа! Давайте не будем без меня карибские кризисы устраивать? А?.. – взмолился Президент Джордж.

– А я полностью поддерживаю Россию! – вскочил с места Мао Дзе и, для пушей наглядности стащив с правой ноги ботинок, выразительно потряс им в воздухе. – Пора, наконец, кому-нибудь постучать башмаком по столу и потребовать от ожиревшей Европы обувь в «Монарха» десяток-другой миллиончиков босоногих китайцев. Кстати, нужное количество азиатов могу хоть завтра предоставить...

– Господин Мао, – устало вздохнул российский Президент. – Мы сейчас о пришельцах говорим.

– А как же двадцать миллионов босоногих китайцев? – обиженно поинтересовался Великий Кормчий и тут же затих под укоризненными взглядами прочих членов саммита.

– Так что у вас там с Европой, господин Еханссон? – вновь обратился к Главе Евросоюза российский Президент. – Только кратко. Без лирических отступлений в духе нашего друга Джорджа, пожалуйста!..

А в Европе царил хаос. Корабли пришельцев, по большей части похожие на пресловутые «летающие тарелки», только оснащенные к тому же вилками и ножами, начали появляться очень часто. Их видели практически в каждом, даже самом захолустном городишке. А в последнее время «тарелки» стали не только прилетать, но еще и садиться на землю и выпускать из своего нутра от одного до шести штук пришельцев. Правда, описания внешнего вида инопланетян, сделанные очевидцами, сильно отличались одно от другого. Начиная от маленьких сереньких человечков с рахитичными головами, кончая огромными зелеными громадами, но все это в расчет можно было не принимать. Кто знает, что людям могло с перепугу померещиться, а вот длинноухие пришельцы в фиолетовых плащах лично Еханссону не раз являлись. И три Президента сами тому были свидетелями.

Конечно, приоритет Европы в качестве единственного объекта, посещаемого пришельцами, был отнюдь не бесспорным. Инопланетяне бывали везде. Вот только в России на них обращали мало внимания из-за любимой болезни камчадалов и чукчей – «белой горячки». Просто каждый истинно русский человек, встретив пришельцев, считал, что это последствия посещения «беляка» и, трижды перекрестившись, спокойно проходил мимо инопланетян.

Ну а в Америке было и того проще. Каждый янки почему-то был уверен, что пришельцы намереваются забрать в летающую тарелку именно его, такого эксклюзивного, замечательного и единственного в своем роде. Поэтому, увидев тарелку, иногда даже суповую, а тем паче выходящих из нее инопланетян, он тут же принимался бежать со всех ног куда-нибудь подальше. Чаще всего в Мексику. Ну а пробежав некоторое расстояние, обычно до ближайшего угла, каждый эксклюзивный янки напрочь забывал, от кого и куда он бежал. Потом останавливался, удивленно оглядывался по сторонам, надеясь понять, что же его вспугнуло, и спокойно направлялся дальше – в свой офис, или ближайший «Макдональдс», слопать гамбургер.

Вот так пришельцы в Америке и оставались незамеченными. Конечно, были некоторые индивидуумы, которые не столь много думали о себе, любимом. Эти люди не забывали об увиденных пришельцах и немедленно докладывали о них в ФБР. Однако и там не все сотрудники были безгрешны. Поэтому часть докладов отправлялась на исследование, часть сразу уходила в архив, и до сведения Президента смогли добраться лишь очень немногие отчеты. Да и те в такой форме, что нормальному человеку лучше их было не читать. Иначе запросто можно стать Президентом Соединенных Штатов!

Про Объединенную Азию и говорить было нечего, поскольку все китайцы, с раннего детства насмотревшись на «покемонов», к моменту получения паспорта уже не удивлялись ничему – ни зеленым человечкам на улице, ни летающим суповым тарелкам, ни закону об авторских правах. Однако, несмотря на то, что инопланетяне Китай мало волновали, без Великого Кормчего ни один саммит не обходился. Да и попробуй не пригласи его, когда в любой момент Мао Дзе может запросто скинуть с бомбардировщиков на головы ничего не подозревающего мирного населения любой страны несколько десятков миллионов голодных китайцев. А такого ни одна экономика, кроме, конечно, китайской, ни за что не выдержит!

В общем, проблема инопланетян так или иначе интересовала всех VIP, собравшихся в кабинете Еханссона. Ее нужно было срочно решать. Тем более что никто из жителей планеты Земля не понимал, что именно коварным пришельцам на их территории нужно. Инопланетяне просто шлялись по разным местам и приводили народ в ужас. Больше ничего они не делали! Правда, во всяческие органы неоднократно поступали сообщения об объектах, украденных пришельцами. Воровали они все, начиная от людей, которые, кстати, находились позже и были либо в состоянии глубокого похмелья, либо в постели у чужой жены, причем совершенно не понимали, как они могли там оказаться, кончая бутылками вина. Последний факт президенты могли видеть лично.

Несмотря на то, что пришельцы никаких требований землянам не выдвигали, выкупа не просили и не угрожали взорвать какой-нибудь Белый Дом, Еханссон был уверен, что инопланетяне собрались тихим сапом Землю оккупировать. Поэтому и решил принять меры. Несколько раз он высылал на места появления инопланетян спецназ и даже регулярную армию, но все попытки арестовать или уничтожить пришельцев заканчивались полным провалом. Каждый раз с солдатами происходило то же самое, что и с охранниками совсем недавно – они просто начинали драться друг с другом, забывая о поставленной руководством задаче. И поделаться с этим никто и ничего не мог!

– Вот поэтому, господа президенты и господин Президент России, я вас здесь и попросил собраться, – закончил свой доклад глава Евросоюза. – Нам нужно объединиться и совместно выработать какой-нибудь план избавления от пришельцев и прекращения их коварного нашествия на нашу... Что? Прекрасную, загаженную смогом, замусоренную ядерными отхо-

дами планеты, у которой, к тому же, есть несколько совершенно прелестных дырок в озоновом слое...

– Я же просил вас обойтись без лирики. Только по существу, – укоризненно покачал головой российский Президент.

– Я полностью поддерживаю Россию! – не дал ему договорить Великий Кормчий. – Пора, наконец, по существу решить проблему двадцати миллионов обездоленных китайцев...

– Слушайте, Мао, у вас, кроме двадцати миллионов китайцев, больше ничего интересного нет? – возмутился президент Джордж.

– Почему? Есть! – обрадовался Мао Дзе. – Еще парочку триллионов китайцев. А потом еще вьетнамцы, кампучийцы, лаосцы, камбоджийцы. Японцы, наконец!..

– Хватит! Сдаюсь! – взмолился Джордж и обреченно посмотрел на российского Президента. – Надо же, так много узкоглазых и ни одного приличного ранчо.

– Это к делу не относится, – ответил ему тот и обвел своим умным взглядом остальных собравшихся. – Я думаю, господа, нам нужно разработать совместный план по борьбе с пришельцами...

Российский Президент хотел еще что-то добавить, но договорить ему не дали. Все три остальных участника саммита взорвались такой бурей аплодисментов, что несчастному секретарю целых полчаса пришлось аккуратным почерком писать на листах протокола одну и ту же фразу: «хлоп, хлоп, хлоп!» Ну а когда секретарь без сил свалился под стол и его выволокли за ноги из кабинета для приведения в чувство, Большая Четверка принялась обсуждать вопрос о том, какая именно страна должна возглавить совместный проект. К сожалению, секретаря приводили в чувство очень долго, и поэтому весь виртуозный мат, которым награждали друг друга участники саммита, остался неизвестен потомкам. Вот они, проклятые «белые пятна» в истории человечества!..

Впрочем, к моменту возвращения секретаря на рабочее место члены саммита как раз созрели, для того чтобы принять, наконец, единственное правильное решение. Всею населению Земли известно, что только русский мат обладает громадной энергетикой, особой колоритностью и оказывает необычайно впечатляющее действие на все остальные народы. Именно потому, что российский Президент оказался не только обаятельным человеком, но и в силу своей бывшей специализации некогда в совершенстве освоил правила матерщины, все остальные члены высокого собрания были им сражены наповал и безропотно проголосовали за кандидатуру России в качестве организатора и руководителя совместного проекта. Правда, на кое-какие уступки российскому Президенту все же пришлось пойти.

Во-первых, все трое прочих глав государств, собравшихся на совещание, настояли на том, чтобы граждане их стран принимали в проекте непосредственное участие. Российский Президент мило улыбнулся и согласился, потребовав, однако, чтобы эти граждане в совершенстве владели русским языком. Да и отбирать кандидатов будет только назначенный им самим глава проекта.

Во-вторых, члены саммита потребовали у Президента регулярного отчета о действиях создаваемого отряда по борьбе с пришельцами и проведения боевых действий по борьбе с пришельцами не только на территории России, но и в пределах всех прочих государств, участников сегодняшнего собрания. На что глава Российского государства возражений не выдвинул, но в обмен потребовал совместного финансирования. Причем, в тех размерах и долевых паях, которые установит он, российский Президент.

Ну а в-третьих, главы Китая, Америки и Евросоюза потребовали от Президента России делиться всей информацией, которую члены спецотряда будут в ходе своих операций добывать. Согласие они получили, но с оговоркой, которую секретарь записал так: «Получите. Но только ту, которая не нанесет вреда самому существованию проекта и стратегическим интере-

сам России!» И вдобавок российский Президент добился от прочих членов саммита обещания оснастить проект всеми техсредствами, имеющимися в их распоряжении...

Обсуждение деталей проекта длилось очень долго. В первую очередь из-за того, что Президент Джордж постоянно перебивал всех идиотскими вопросами. А еще потому, что Мао Дзе не давал покоя остальным вопросами о судьбе нескольких десятков миллионов китайцев. Но все же в итоге бурных и продолжительных дискуссий члены Большой Четверки к соглашению пришли. Итогом его было рождение проекта, с легкой руки российского Президента получившего название «Звездная Каэши-Ваза».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Земля. Экстренно разогнанный по соседним районам колхоз «Красное вымя». Год тот же. Не зима, но похолодало. Наверное, от того, что уже не Европа... Время: просто местное. Конкретные цифры для хода операции значения не имеют.

Взлетно-посадочная полоса приближалась со страшной скоростью. Двигатели самолета натужно выли, совершенно не понимая того, чего хочет от них пилот, а тот беспомощно смотрел на панель управления, в свою очередь недоумевая, почему приборы его ни хрена не слушаются. Плюнув на самолет, приборную доску и пилотирование вообще, пилот достал из-под кресла литровую пластиковую бутылку с чистым спиртом и сделал внушительный глоток. Голова тут же прояснилась и летчик вспомнил, что на этот раз ему доверено пилотировать не обычный аэробус, а новейшую машину с вертикальным взлетом и изменяемой геометрией крыла. С надлежавшей пилоту экстра-класса реакцией летчик схватился за нужные рычаги управления и воздушная машина, зависнув на секунду над взлетной полосой, плюхнулась в свежий бетон, разогнав в разные стороны взвод солдат стройбата, позорно бросивших в беде свое верное оружие – престарелую бетономешалку.

– Борт номер один, борт номер один, – раздался в наушниках пилота голос диспетчера. – На взлетную полосу посадку запрещаю. Она еще не готова. Садитесь прямо в кукурузное поле. Как поняли меня? Прием.

– Понял замечательно, – буркнул пилот, обреченно глядя, как самолет по самое брюхо погружается в вязкую жижу. – Кукуруза в приеме рейса отказала. Совершил вынужденную посадку в бетон. А чтобы ты, козел, больше не спал за пультом, будешь меня сам из цемента выколупывать. Как понял меня, твою мать?..

– Так это ты, мама? – раздался в наушниках восторженный голос диспетчера, и пилот, не став отвечать, стащил наушники с головы, приложив их что есть силы о переборку.

Наушники удивленно хрюкнули, но почему-то не сломались. пилот удивленно посмотрел на них и поначалу решил проверить, выдержат ли они удар армейского ботинка, но передумал. Мало ли что начальству в голову придет? Вдруг их стоимость из зарплаты надумают вычесть?! Махнув на наушники рукой, пилот открыл дверь рубки и посмотрел на единственного пассажира рейса, молодого светловолосого парня громадного роста, терпеливо ожидавшего в кресле какой-нибудь команды.

– Прибыли. С мягкой посадкой, – хмуро сообщил пилот. – Как говорится, спасибо, что выбрали нашу авиакомпанию.

Парень в камуфляже кивнул головой и, поднявшись со своего места, подошел к задней стене самолета. Тихо жужжа, та поехала вниз и, замерев на секунду на поверхности незастывшего бетона, с хлопаньем утонула в нем почти до половины. Парень тихо присвистнул, посмотрел на трап, ведущий в непролазную топь, затем окинул взглядом окрестности и снова перевел глаза на свежий бетон, жадно колыхавшийся вокруг самолета.

– Да, блин, растворчику не пожалели. На века, что ли, строят? – удивленно хмыкнул он и, дойдя до половины трапа, огляделся по сторонам. – Эй, служивые! Комон еври бади сюда кто-нибудь.

– Чаво? – высунувшись из-за бетономешалки, поинтересовалась рязанская рожа в армейской кепке.

– Не «чаво», а ко мне, солдат! – рявкнул бугай.

Рязанская рожа в сомнении посмотрела на колышущуюся бетонную топь, затем перевела взгляд на собеседника, чьи погоны красовались лычками старшины, а затем горестно вздох-

нула. Исчезнув на секунду за бетономешалкой, рязанская рожа выбралась назад. Но в этот раз не одна. Следом за ней показалось хилое тело в замызганной «песчанке», явно принадлежавшее «духу». Боец еще раз горестно вздохнул, кляня свою новобранскую долю, с тоской посмотрел на кирзовые сапоги, а затем несмело шагнул в бетон. Жадно чавкнув, жижа вцепилась в долгожданную добычу, и новобранец застыл, опасливо глядя на кромку бетона, не добравшись до верха голенищ буквально на два пальца.

– «И сия пучина поглотила его. В общем, все умерли,» – иронично процитировал старшина фразу героя одного из популярных кинофильмов, а затем грозно посмотрел на солдата. – Боец, команда «ко мне» выполняется бегом. Что не ясно?

– Все ясно, товарищ старшина! – рявкнул в ответ новобранец и попытался изобразить бег в бетонной жиже.

Получилось у него это не очень красиво, а если быть точнее, то не получилось совсем. Правый сапог солдат еще смог вырвать из цепких лап бетона довольно легко, а вот левую ногу жадная трясина отдавать никак не хотела, явно намереваясь застыть с максимально возможной скоростью, превратив новобранца в памятник неизвестному «духу». Однако солдат сдаваться не собирался и, с трудом вырвавшись из железобетонной хватки взлетно-посадочной полосы, добрался-таки до терпеливо поджидавшего его старшины. Тот с сомнением в глазах осмотрел новобранца с ног до головы.

– Рядовой Груздев по вашему приказанию прибыл, товарищ старшина! – рявкнул тот, пытаясь вытянуться по стойке «смирно».

– Вижу, что прибыл. И не ори так, ты не на плацу, – поморщился бугай и пробормотал себе под нос:

– Хиловат. Ну да ладно. Комбат не выдаст, полковник не съест! – а затем строго посмотрел на солдата. – Короче, боец, приказываю тебе доставить мою ценную персону на твердую землю. Уронишь в бетон, навеки в нем и останешься! Фершейн, Штирлиц?

– Но, товарищ старшина... – взмолился солдат, но умолк под строгим взглядом начальства. – Садитесь. Куды ж мне от вас деться?..

– Н-но, родимая. Пошла, залетная! – скомандовал старшина, осторожно забравшись бойцу на закорки.

И солдат пошел. С невероятным трудом выдирая ноги из бетона, новобранец выбрался-таки на твердую землю, проявив такие чудеса героизма, которые не снились ни Алексею Стаханову, ни Павлику Морозову, ни даже Зое Космодемьянской. Ну а выбравшись на край неспешно застывающей взлетно-посадочной полосы, новобранец в измождении рухнул на землю, едва не опрокинув ценную персону старшины. Тот негромко ругнулся, посмотрел на неподвижного рядового, затем перевел взгляд на кончик своего берца, слегка заляпанного бетоном, и, переведя взгляд обратно на бездыханное тело, пробормотал:

– В другое время убил бы, а сейчас выношу благодарность.

– Служу России! – прохрипел в ответ солдат, не поднимая головы с земли, и судорожным жестом попытался отдать честь. В результате этой сложнейшей операции правая рука рядового попала не в соответствующую уставу височную долю, а в щиколотку старшины. Тот хмыкнул и отступил на шаг.

– Ну-ну, служи, – поощрил бугай новобранца. – Где тут штаб находится?

– Там, – солдат, так же не поднимая головы, махнул рукой в сторону покосивших деревянных домов. Старшина поправил на плече вещмешок и, пожав плечами, пошел в указанном направлении.

Заросшая бурьяном деревенька, к которой направлялся парень, располагалась метрах в ста от недоделанного аэродрома. Выглядела она убого, как, собственно говоря, и должна выглядеть нормальная российская деревня. К тому же, хоть старшина и рассмотрел кое-где на удивление жирных коров – на падали, что ли, отъелись? – пяток свиней и нескольких кол-

хозников, населенный пункт произвел на него впечатление совершенно безжизненного места. Прислушиваясь к своим ощущениям, Бугай совершенно не мог понять, откуда они взялись. До тех самых пор не мог, пока не вошел в деревню.

– Ни фига себе! – удивился он, рассматривая муляжи животных и манекены, одетые в ватники и шапки ушанки. – Что за хрень такая? Эй, люди, блин! Есть тут кто-нибудь?

– Прекратите орать, старшина! Вы мне весь объект демаскируете, – раздался из динамика строгий командный голос. – Направляйтесь к центру деревни, к дому с надписью «сельсовет». Войдете внутрь, дальше следуйте указателям.

Бугай удивленно посмотрел по сторонам, пытаясь отыскать громкоговоритель, видеокамеры наблюдения или какие-нибудь другие сенсоры обнаружения, однако ни один искомый объект найти не удалось. Старшина пожал плечами и пошел в указанном направлении. Дом с нужной надписью отыскать удалось довольно легко и парень, толкнув дверь, вошел в сельсовет.

Внутри царил полумрак, и парень на секунду замер, давая глазам возможность адаптироваться к новому освещению, а затем посмотрел по сторонам в поисках каких-нибудь указателей. Таковой отыскался в единственном экземпляре и лаконично оповещал: «Туда!» Старшина хмыкнул и пошел, куда требовалось. На пути его следования подобных указателей оказалось еще целых две штуки и привели они парня в бетонный подвал с металлической дверью, явно напоминающей вход в барокамеру.

– Ни хрена себе! – удивился старшина, глядя на мощную дверь, совершенно не соответствующую окружающей обстановке. И едва он закончил эту краткую и лаконичную фразу, как полуметровый «барашек» на двери повернулся и она отворилась, открывая взору парня ярко освещенный тамбур. – Блин, прямо «сим-сим, откройся» какой-то!

– Старшина, захлопните пасть и заходите! – раздался изнутри помещения тот же командный голос. – Шагом марш!..

Старшина покорно прошел в тамбур. Дверь за ним тихо закрылась, внутренний «барашек» провернулся, блокируя вход, и тут же из крошечных отверстий в стенах ударили струи какого-то газа. Старшина такой подлости, естественно, не ожидал и в первую секунду оторопел. Однако тренированные рефлексы сработали быстрее, чем мозг успел осознать происходящее. Глаза старшины закрылись сами собой, рот захлопнулся, не спрашивая разрешения хозяина, легкие самовольно перестали дышать, а руки зашарили по поясу в поисках несуществующего противогаза. Старшина мысленно выругался на себя самого, на предательский голос, заманивший его в ловушку, и на весь белый свет в целом. Попрощавшись с жизнью и пожалев, что так и не дописал письмо маме, начатое полгода назад, старшина собрался отдать концы, отбросить копыта, дать дуба и сыграть в ящик, но в этот момент струи газа прекратили бить из стен. Помещение почти мгновенно проветрилось и уже знакомый командный голос произнес:

– Прекрасно. С рефлексам у тебя, старшина, все в порядке. Да не стой ты, как мумия Ильича. Это была простая дезинфекция. Дыши спокойно и проходи внутрь. Шагом марш!

Парень снова мысленно выругался в адрес обладателя голоса, но вслух воспроизводить свою цветистую тираду не стал, понимая, что начальству таких слов знать не положено. Открыв глаза, старшина вдохнул воздух полной грудью и шагнул в распахнутую внутреннюю дверь тамбура.

А внутри его ждал длинный мягко освещенный коридор с дверями по обе стороны. Под потолком вертелось несколько видеокамер, обшаривая своими стеклянными зрачками узкие сектора. Старшина, посмотрев на них, подтянулся, поправил амуницию и пошел вперед, поглядывая на таблички, указующие на то, что именно скрывается за дверями. Надписи были кратки и лаконичны: «Учебный центр», «Научный отсек», «Актовый зал», «Боевая группа», «Оружейная», «Склад» и «Штаб». Вот к последней двери старшина и направился.

Та самостоятельно открылась, пропуская посетителя внутрь, и старшина оказался в просторной и тускло освещенной комнате. Справа от него был стеклянный зал с несколькими

креслами внутри, слева – несколько закрытых дверей без табличек, а прямо располагался обширный центр управления, с пола до потолка заставленный мониторами, перед которым возвышался невероятно фантастического вида пульт. За этой странной конструкцией во вращающемся мягком кресле сидел невысокий человек в камуфляжной форме. Старшина даже от двери рассмотрел на погонах человека майорские звезды и вытянулся в струнку.

– Товарищ майор, старшина Шныгин для прохождения дальнейшей службы прибыл в ваше распоряжение!

– Вольно, старшина, – благодушно разрешил майор и повернулся-таки вместе с креслом в сторону вошедшего. – Проходи. Будем знакомиться...

Майор развернул к себе небольшой плоский монитор, возвышавшийся над пультом управления, словно мраморная горгулья над татарским кладбищем, и вновь перечитал досье, в котором черным по компьютеру было написано следующее:

«Шныгин Сергей Анатольевич. Звание – старшина. Последнее место службы – Н-ская воздушно-десантная бригада. Последняя должность – заместитель командира отдельного взвода быстрого реагирования. Срок службы – пять лет. Основание – контракт. Общие характеристики – нестандартное мышление, отличное владение приемами рукопашного боя, врожденная лень. Совершенно невосприимчив к какому-либо эмоционально-психическому воздействию».

Дальше в досье шла общебиографическая информация о старшине. Причем, начиналась она от того момента, как Шныгин, будучи воспитанником детского сада номер шесть «Березка», в средней группе одного заведения насыпал в горшок товарищу полпачки сухих дрожжей, а заканчивалась описанием того, как во время последней секретной операции спецназа в Ираке старшина лично спас престарелого Саддама Хусейна от десяти... нет, от двадцати американских «морских котиков». Причем, девятнадцать из этих «котиков» отделались легкими переломами конечностей, а двадцатый был доставлен в крайне нетрезвом виде в медвытрезвитель ближайшего сибирского городка. Откуда его отпустили через полгода в обмен на пра-правнука Штирлица, пойманного бундесвером во время соращения секретарши самого Еханссена с целью получения нелегального пособия по безработице.

В общем, старшина Шныгин оставил в истории российской армии заметный след, и дабы вышеназванного героя не спутали с каким-нибудь самозванцем, с левой стороны компьютерного досье красовались фотографии Шныгина в фас, профиль и со стороны затылка. Справа вертелась трехмерная модель старшины, а внизу, под текстом, располагался полный набор отпечатков пальцев рук и ног Шныгина, отсканированная сетчатка его глаза и полный набор хромосом, соответствующих данному индивидууму.

Пока майор просматривал досье, старшина, в свою очередь, просматривал майора. Оный оказался невысокого роста, и Шныгин сомневался, дорос ли его новый командир хотя бы до метра шестидесяти. Черноволосый и черноглазый майор со скуластым лицом очень походил на изображение русского солдата с американского плаката времен «холодной войны». Разве что коня, папахи и шашки ему не хватало. Зато кривые ноги были в наличии.

– Так, старшина, устав не мне тебе объяснять. Ты у нас калач зачерствевший, и знаешь, что приказы не обсуждаются. Тем более, когда на сверхсекретный объект попадаешь, – констатировал майор, достав из-под пульта какую-то небольшую машинку. – Короче, старшина! Сейчас посмотришь в этот глазок на аппарате, затем сунешь в соседнюю дырку пальцы левой руки. Потом беседу продолжим.

Шныгин послушно выполнил все указания майора, в результате чего заработал ослепительную вспышку в глаз и довольно болезненный укол в средний палец. Вдобавок машинка еще и пожевала его конечность, оставив неизгладимый черный след на всей кисти. После этой мудреной операции майор забрал аппарат у Сергея и подсоединил его к пульту управления. Несколько секунд машинка негромко жужжала, моргая тремя разноцветными светодиодами, а

затем на экране монитора, прямо поверх досье Шныгина, вспыхнула нерусское слово «детек-тед». Майор выругался.

– Вот, шайтаны нерусские! Программу так и не исправили, – пробурчал он себе под нос, а затем с гордостью перевел надпись Шныгину: – «Идентифицирован»!

– Ес, оф кос, блин, – согласился старшина. – Я это он.

То есть, так точно, товарищ майор!

– Поумничай мне, ефрейтором станешь, – явно недовольный английским произношением Шныгина, проворчал майор. – Ладно, старшина, будем знакомы. Майор Раимов, Василий Алибабаевич. Я командир группы, к которой ты приписан с сегодняшнего дня. В неофициальной обстановке можешь называть меня по имени-отчеству, а при получении заданий и при приезде начальства обращай строго по званию. Вопросы есть?

– Так точно, това... То есть, Василий Алибабаевич, – отчеканил старшина. – Разрешите узнать, что это за секретная группа, к которой я приписан, и чем именно мне надлежит заниматься. Так же меня интересует, какова, блин, будет моя должность в новом формировании.

– Ишь какой прыткий, – усмехнулся майор. – Всю эту информацию ты получишь на общем собрании личного состава. О его начале я извещу всех позже. Еще вопросы?

– Вопросов нет, но я хотел доложить... – начал было говорить Шныгин, но тут его взгляд наткнулся на один из множества экранов, занимавших дальнюю стену. На этом чуде современно техники было ясно видно, как взвод стройбата ломачами выколачивает засевший в бетоне по брюхо самолет, на котором старшина прибыл в распоряжение новой части. Майор проследил за его взглядом и усмехнулся.

– Я в курсе, – проговорил он, сделав широкий жест в сторону мониторов. – Я вообще знаю все, что происходит в радиусе километра от нашей базы. Но доклады о любых происшествиях, естественно, поощряю... Старшина, так еще вопросы будут?

– Так точно, товар... Василий Алибабаевич, – кивнул головой Шныгин. – Но я думаю, все они потерпят до общего собрания, блин!

– Молодец, старшина. Хвалю за сообразительность, – усмехнулся майор. – Можешь идти. До начала собрания отправляйся в расположение группы. Табличку на двери с надписью «Боевая группа», надеюсь, видел? Чтобы войти, просто приставь глаз к детектору, одновременно положив левую руку на панель у двери. Все. Кругом. Шагом марш!

Добраться до указанной двери труда старшине, естественно, не доставило. Шныгин выполнил все предписанные манипуляции с детектором и створки бронированная двери автоматически разъехались в стороны, утонув в пазах внутри стены. Взору Сергея открылся еще один коридор, поменьше центрального, по обоим сторонам которого так же располагались двери. Но обычные, а не бронированные, и без табличек. Пожав плечами, Сергей начал их обследование, отметив для себя, что входная дверь автоматически закрылась за его спиной.

В первой комнате оказался отлично обставленный тренажерный зал, имеющий даже баскетбольную площадку. За второй была бильярдная комната с двумя столами, мягкими креслами и телевизором под потолком. В третьем помещении так же стояли несколько глубоких кресел, но из прочей обстановки присутствовали только небольшие столики, оснащенные «ноутбуками», и огромные шкафы с книгами вдоль стен. В четвертом помещении оказалась душевая, сауна и раздевалка, соответственно.

– Ешкин корень, блин, это что же за воинская часть такая?! – поразился Шныгин, крайне впечатленный осмотром, и дернул на себя ручку последней, пятой двери, замыкавшей коридор.

Сделав это, Сергей застыл на пороге, на несколько секунд потеряв дар речи от увиденного. Нет, сама обстановка комнаты, состоящая из удобных кроватей, стола, мягких стульев и тумбочек, старшину не особо впечатлила. Шок Шныгина был вызван теми, кого Сергей увидел внутри!

Прямо напротив него, на одной из кроватей, сидел обритый почти налысо парень. Единственной растительностью на его голове был длинный черный оселедец, свисавший почти до плеч с самой макушки. Одет был парень в широченные камуфлированные шаровары и облегающую «желто-блакитну» футболку. Несмотря на не очень высокий рост, бритоголовый был крепко скроен и выглядел вполне внушительно.

Следующим человеком, увиденным Шныгиным, был высокий и худощавый мужчина. Он был голубоглазый, светловолосый и имел очень правильные, четко вычерченные черты лица. Одет парень был в черные брюки и белую майку без рукавов с неглубоким вырезом на волосатой груди. А рядом с ним стоял негр. Высоченный, блин! Уж старшину крошкой никто не мог назвать, а этот негр почти на полголовы превышал его в росте. На негре была баскетбольная майка с символикой «Чикаго Буллс», камуфлированные штаны и высокие спортивные ботинки. Несколько секунд вся троица так же удивленно рассматривала Шныгина, а затем бритый парень с усмешкой произнес:

– Тю! Москаля принесло. Воно ж без них ни хрена ничего не обходится. Тильки тут нам москалей и не хватало.

– Тут, это где? – совершенно спокойно поинтересовался у украинца Шныгин.

– Во дурной! Говорю ж, москаль, – хмыкнул парень, глядя на своих соседей по комнате, а затем повернулся к старшине. – Тут, это тут. А вопросы все – к майору!..

Шныгин пожал плечами и, не обращая внимания на задиристого украинца, внимательно осмотрел комнату. Негр и блондин настороженно наблюдали за ним, а старшине и до них никакого дела в данный момент не было. Он еще раз обвел комнату придирчивым взглядом и, найдя нужную ему деталь интерьера – видеокамеру наблюдения – подошел к ней вплотную. Строго посмотрев в ее стеклянный глаз, Сергей вытянулся в струнку.

– Товарищ майор, разрешите обратиться... Понять присутствие этого «сала» на российской секретной базе я еще могу, – кивнув головой в сторону украинца, проговорил Шныгин. – А что здесь делают всяческие вражеские элементы, явно про-НАТОвской ориентации?

– Отставить вопросы, старшина! – рявкнул откуда-то из стены динамик внутренней связи. – Приготовьте их для общего собрания, а пока осматривайтесь. Не буду вам мешать, – и красный светодиод на камере, мигнув пару раз, медленно погас.

– Ну и ладно, – согласился с начальством Шныгин и повернулся к остальным обитателям комнаты. – Я так понимаю, кровати вы уже распределили? – дружный кивок трех разноцветных голов. – И опять ладно. Показывайте, где мое место...

Кровать оказалась, конечно, не сетчатой, какие Сергей привык видеть в российских казармах, а с пружинным матрасом, но возмущаться по этому поводу старшина не стал. Критически осмотрев ее ножки из мореного дуба, Шныгин сначала осторожно бросил на свое новое спальное место вещмешок, а затем присел и сам. Деревянные ножки не сломались и старшине пришлось попрыгать на кровати. Но и это испытание она выдержала. Удивленно хмыкнув, Шныгин посмотрел на разномастную троицу, с различной степенью заинтересованности наблюдавшую за ним.

– Знакомиться сейчас будем или общего собрания подождем? – полюбопытствовал он. – Меня Сергеем зовут. Надеюсь, что я старшина и из десанта, понятно всем? Или кто-то петлиц с погонами не видит?

– Ганс Зибцих, – на чистом русском языке представился коротко стриженный блондин, протягивая Сергею узкую руку с длинными музыкальными пальцами. – Ефрейтор бундесвера. Снайпер.

– Почти как Гитлер, – пожимая руку, хмыкнул Шныгин.

– Это почему как Гитлер? – обиделся Ганс.

– А потому, что немец и ефрейтор, – пояснил свои соображения старшина. Зибцих в ответ фыркнул и отошел в сторону. А на его месте оказался здоровенный негр.

– Капрал отдельного отряда «морских котиков» ВМС США Джон Кедман, – отрапортовал он, сжимая железной хваткой ладонь Шныгина. Тот хмыкнул и попытался показать американцу, как русские пальцами пятаки гнут, но продемонстрировать это редкостное умение на ладони капрала Сергею помешали.

– Еврей, – сделал дополнение к словам негра украинец. Шныгин оторопел и, ослабив хватку, осмотрел Кедмана с ног до головы.

– Ты чего, сало? Какой же это еврей? – удивился словам украинца старшина. – Он же негр.

– А ты, репа, не на лицо, а на фамилию внимания обращай, – обиделся на «сало» украинец. – Мало ли как они себе внешность маскируют, а фамилия у него все равно еврейская.

– Не. Кедман по-английски означает что-то типа «человек в кедах», – не согласился с ним старшина и вдруг подозрительно посмотрел на украинца. – А ты типа антисемит?

– Нет! Просто не люблю, когда кто-то пытается выдать себя за другого, – отрезал тот. – Немцы это немцы. Москали это москали. А уж если негр, то должен быть с нормальной для негра фамилией. Тумба-Юмба, например...

– А у тебя, у самого, какая фамилия? – подозрительно посмотрел на него Шныгин.

– Самая украинская. Пацук. Микола Григорьевич, – усмехнулся парень с оселедцем. – Есаул отдельной бригады украинского спецназа. Специализируюсь на подрывных работах и диверсионной деятельности.

– Ну вот, блин, все и познакомились, – усмехнулся Шныгин. – Ладно. Вы тут отдыхайте, а я пока пойду проверю, как тут банька работает...

Инспекция бани была, конечно, важным и ответственным делом, но в данный момент старшина выбрался из спального помещения совсем не от того, что хотел проверить плотность пара, или температуру горячей воды в трубах. Шныгину просто было лень сейчас с кем-нибудь спорить и кому-нибудь что-то доказывать. Новое место службы, не в пример предыдущему, крайне располагало к неге и расслабленности. Вот Сергей и пошел расслабляться. А по старой русской традиции делать это начинают с бани. Правда, в этот раз для продолжения расслабления не хватало пива и водочки, но поскольку устав воинской службы потребления подобных напитков не предусматривал, старшина решил пока обойтись без них. Тем более, и компании подходящей для продолжения расслабления в данный момент не наблюдалось.

Баня оказалась не баней, а сауной. Конечно, с небольшим бассейном, но что для финна хорошо, то русскому не в тему. Старшина, конечно, поворчал на строителей бункера за такое пренебрежение к национальным традициям, но поскольку иного выбора не было, посидел в сауне, вместо того, чтобы от души похлестать себя веником в парной. А когда он уже принимал душ, динамики в стенах, без которых даже в бане не обошлось – слава богу, видеоканал не оказался! – голосом Раимова объявили:

– Внимание, всему личному составу базы объявляется пятиминутная готовность. Через указанное время всем без исключения собраться в актовом зале.

– Так точно, товарищ майор! – на всякий случай отрапортовал Шныгин, закрывая водопроводные краны. – Бегу, блин!

Старшина, имевший об актовом зале волне конкретизированное представление, после всего, увиденного на базе, рассчитывал обнаружить за дверями вышеуказанного помещения что-то, примерно похожее на филиал Государственной Думы России, но он ошибся. Актный зал оказался небольшим и уютным помещением, мест, примерно, на двадцать. Причем, почти половина из них была уже занята. Шныгин осмотрелся по сторонам, отмечая для себя новые лица, которых, кроме трех уже знакомых ему храбрых вояк и майора, оказалось не так уж много.

Рядом с Раимовым, за небольшим столом президиума, сидел худощавый мужчина в белом халате с всклокоченной шевелюрой. Описать его внешность было довольно сложно. И

все из-за того, что освещение в актовом зале было неярым, да и мужчина постоянно вертелся и размахивал руками. Но в целом на старшину он произвел впечатление сумасшедшего.

«Ученый, блин!» – подумал Шныгин.

«Без тебя все знают!» – подумал ученый...

Кроме указанного субъекта, в актовом зале было еще двое новеньких. Один из них, маленький человек китайско-японской внешности в роговых очках и с прилизанными волосами, скромно сидел на одном из крайних кресел первого ряда, погрузив пальцы в «ноутбук» и не замечая ничего вокруг. А второй – элегантный человек в строгом костюме, обернулся к вошедшему Шныгину. Мужчина улыбнулся, надо думать, с целью показать свои дружелюбные намерения, но от этого оскала у старшины вдруг возникло ощущение, что кто-то неизвестный, с косою и в балахоне, стоит у него за плечами. Мороз по коже старшины прошел крепкий и дарить мужчине ответную улыбку он не стал, решив, на всякий случай, держаться от него подальше.

– Слава богу, Шныгин явился! Теперь можем начинать, – съязвил майор. – Садитесь, старшина. Не стойте в дверях, как фундамент от памятника Дзержинскому.

«Вот ешкин корень! А в прошлый раз „мумия Ильича“ была», – удивился Шныгин, но вслух свое удивление выражать не стал. Просто сел на задний ряд и мысленно посетовал на то, что забыл купить в дороге семечек.

– Итак, общее собрание можно считать открытым, – констатировал майор, обводя собравшихся ясными и добрыми отческими глазами. – Сначала выступлю я с общим докладом. Потом слово будет предоставлено профессору Зубову, – всклокоченный мужичок в президиуме кивнул головой. – Дальше – по обстоятельствам...

Впрочем, ни «сначала», ни «потом», ни «дальше» не получилось. За дверями актового зала раздался какой-то непонятный скрежет, затем в щели между створками засверкали оранжевые искры и послышалось шипение. Продолжалось оно не больше двух секунд. Затем двери с грохотом свалились внутрь, сломав парочку пустых кресел. Ну а после сего занимательного фейерверка в помещение актового зала просунулся ствол танковой пушки.

Шныгин, повинуясь рефлексам, свалился на пол, между рядов кресел. Краем глаза он заметил, что то же самое сделали и трое его соседей по комнате. Новые члены персонала базы, с которыми старшине познакомиться еще не довелось, остались сидеть на своих местах, и лишь майор Раимов вскочил со своего места, грозно стукнув кулаком по столу.

– Мать вашу в полный рост, – виртуозно выругался он, вызвав невольное восхищение Шныгина. – Хабакири-сан, объясните мне, что это чудище здесь делает?

– Получен приказ собраться в актовом зале, – раздался из танка механический голос. – Приказ выполнен.

– Замечательно, – выдохнул Раимов и рухнул в кресло. – Старшина, поздравляю. Вы прибыли на собрание не последним.

Шныгин осторожно приподнял голову над спинками, стараясь рассмотреть неизвестного пришельца с пушкой, к тому же, реагирующего на голосовые команды майора. Таковым оказался небольшой танк. Впрочем, «танком» эту конструкцию можно было назвать лишь с большой натяжкой, поскольку машина своими размерами ничуть не превышала габаритов всемирно известной «Оки». Конструкция, правда, судя по всему, была бронированной и к тому же явно обладала большими функциональными возможностями. Ведь дверь-то она как-то вскрыть умудрилась?!

– Извините, господин начальник проекта, – прерывая изумленные размышления Шныгина, раздался голос маленького японо-китайца. – Видимо, в речевом детекторе работа произошел какой-то сбой. Сейчас я все исправлю.

– А двери мне кто исправлять будет? – поинтересовался майор, а затем махнул рукой. – Хорошо. Убирайте своего вредителя на гусеницах отсюда, а со строителями бункера я потом лично разберусь. Я им...

Договорить майору снова не пришлось, и опять его перебил грохот. Причем в этот раз он раздался не от двери, а с того места, где сидел Джон Кедман. Огромный негр, словно танк недавно, поломав на пути парочку кресел, вскочил со своего места и вытянулся по стойке смирно.

– Сэр!.. Капрал Кедман, сэр. Разрешите вопрос, сэр? – завопил он. – Что здесь, в конце-концов, происходит?

– Воно ж ты посмотри, и Кедманы, оказывается, чегой-то не знают! – восхитился Пацук, следом за Джоном поднимаясь с пола. – Товарищ майор, вы уж объясните обездоленному еврейскому негру!..

Раимов прокашлялся и с таким довольным видом, будто ему кумысом хлебальник намазали, обвел собравшихся начальственно-покровительственным взором. Та часть собравшихся, которая еще пребывала в неведении относительно чудес, происходящих вокруг, в свою очередь, ответила майору взглядом требовательно вопрошающим, в духе плакатов предвыборной агитации. Что, естественно, не лезло ни в какие уставные рамки! Раимов изумился и решил попробовать посмотреть на подчиненных по-другому, а именно – строго.

Подчиненные потупились и уселись на свои места. За исключением Харакири-сана и танка. Причем, и из президиума, и из зала абсолютно невозможно было понять, кто из них кого перепрограммирует, так как танк, в ответ на вскрытие японо-китайцем крышки пульта управления, вытащил из пазов у основания башни телескопические манипуляторы и принялся шарить у программиста по карманам.

«Чего он там, запасные батарейки для плеера, что ли, ищет, еври бади?» – удивленно подумал Шныгин, но вслух этого, естественно, в полном соответствии с уставом, не сказал. Тихо отвернулся и внимательно прислушался к словам Раимова.

– Товарищи, господа и прочие граждане! – начал свою речь майор. – До сего дня многие из вас спали, ели, пили, справляли свои другие потребности и не ведали, что отечество выбрало вас для самой ответственной задачи. А именно, для спасения нашей матушки-Земли!..

– Во загнул! – шепотом восхитился Пацук.

– Ты не мог бы помолчать для разнообразия? – так же шепотом поинтересовался у украинца Шныгин. Есаул скорчил в ответ крайне недовольную «бендеровскую» физиономию, призванную показать, что порядочный украинец обычно делает с москалями, но все же замолчал.

К счастью для обоих, Раимов был слишком вдохновлен собственной речью, поэтому болтовни подчиненных не заметил, и все прочие члены команды были лишены возможности наблюдать экстремальное зрелище того, как русский с украинцем чистят бульбу. В наряде, естественно. Майор лишь слегка скосил глаза в сторону обоих болтунов, но пламенный доклад не прервал. Нельзя сказать, что его речь произвела на собравшихся неизгладимое впечатление, но кое-кого она заставила-таки рты от удивления раскрыть.

– Не думайте, что это только возвышенные слова, – заявил Раимов, комментируя свое заявление по поводу «спасения матушки-Земли». – Вы действительно будете спасать планету в прямом и переносном смысле этого слова, поскольку нашествие инопланетян на Землю покинуло экраны фантастических фильмов и стало реальностью. Пришельцы среди нас! Спасайтесь, кто может... То есть, спасем все, что можем, я хотел сказать.

Майор сделал паузу, видимо, ожидая бурных и продолжительных аплодисментов в благодарность за полет его командирской мысли, но ничего, кроме гробовой тишины, не дождался. Затем кто-то в зале присвистнул от удивления, и это послужило сигналом ко всеобщему бедламу. Заорали все. Причем, громко и одновременно, отчего смысл хотя бы одной фразы разо-

братъ было невозможно. Зато в эмоциях общего собрания разве что глухой бы запутался. Было в криках все: и недоверие, и удивление, и негодование, и восторг.

Исключение из голосающей компании составили только четыре человека – оба члена президиума, Зибцих и Шныгин. Но если первые двое молчали от того, что заранее знали повестку дня общего собрания, то в случаях с бойцами все было по-другому. Ефрейтор сидел тихо из-за намертво ввевшегося в кровь инстинкта субординации и истинно немецкой дисциплинированности, а Шныгину просто было все по барабану. Потому как выдавшего Саддама Хусейна старшину пришельцами уже удивить было никак невозможно. Сергей, в ответ на заявление майора, хмыкнул и, окинув орлиным взором актовый зал, стал в уме просчитывать, можно ли ему тихонечко покурить на заднем ряду, пока все вокруг суетятся. Решив, что внимания на него никто не обратит, старшина достал сигареты и уже собрался высечь искру из огромной бензиновой зажигалки, но в этот момент Раимову надоели истошные вопли. Которые, кстати, на аплодисменты ничем не походили.

– Молчать! – рявкнул майор так, что даже у танка манипуляторы сникли, оторвав по пути карман халата программиста. Оттуда на пол вывалилось «тамагочи» и, закатившись под стул, временно затихло.

– Вот это я называю командный голос! – словно перед курсантами на плацу, радостно и гордо заявил Кедман.

– Молчать, я сказал, – снова потребовал майор, но на этот раз уже тише. Зато капрал поддержал командирский почин.

– Ес, сэр! Слушаюсь, сэр. Так точно, сэр! – завопил он, вытягиваясь по стойке смирно.

– Во орет. Прямо як вол на пилораме, – удивился Пацук, глядя на американца снизу вверх.

– Не понял, как як или как вол? – сделав наивные глаза, поинтересовался у него Шныгин.

– Як москаль на обрезании у татаро-монголов! – огрызнулся украинец.

– Молчать, я сказал. Твою мать, третий раз уже повторяю, а... – попытался навести порядок в зале Раимов, но докончить свою фразу не успел.

– Да что вы, товарищ майор, ко мне цепляетесь? – обиделся украинец, перебив начальство. – Воно ж не я один кричу. Воно ж москаль поганый с жидом проклятым вопят, як оглашеные...

Начальство, понятное дело, не любит, когда его перебивают, поэтому все остатки либерализма и демократической свободы слова с чела майора словно ветром сдуло. Раимов врезал кулаком по столу, продемонстрировав всему залу, что в его хрупком тельце кроется недюжинная сила, а затем рявкнул, вновь показав всем присутствующим, каким виртуозным может быть русский мат.

– Есаул Пацук! – обратился Раимов к украинцу, после того, как закончил ругаться. После столь официального обращения с Миколы все вальяжность как рукой сняло. Натянув на оселедец фуражку, он вскочил с места и вытянулся по стойке смирно.

– Я, – рявкнул Пацук, показывая всему миру, что по части командного голоса украинцы кое-кому еще и фору дать могут.

– Если ты, есаул, в моем присутствии еще раз позволишь себе расистские выпады хотя бы в чей-нибудь адрес, получишь десять суток ареста. Сразу скажу, что проводить их будешь в хлеву, вместе со свиньями! – заявил Раимов тут же задумчиво покачал головой. – Хотя нет. В хлев ты не пойдешь, поскольку для свиней это слишком опасно. Но ты уж поверь мне, есаул, я найду, куда тебя запереть! Ясно?

– Так точно, товарищ майор! – ответил Пацук и, дождавшись команды «вольно», опустился на свое место. А майор с отеческой теплотой и строгостью в голосе произнес:

– Запомните, ребята, вы теперь одна команда. Вам теперь вместе жить, вместе пить, вместе есть и совместными усилиями спину друг другу в бою прикрывать... Но об этом погово-

рим позже, а сейчас пора вернуться к повестке дня общего собрания личного состава. Итак, сюда вас всех отправили для того, чтобы вы стали первым отрядом, способным дать вторжению пришельцев реальный отпор...

В этот раз никаких воплей в ответ на реплику Раимова не последовало, и майор спокойно смог продолжить доклад. Правда, теперь от запланированной заранее пространственной речи ему пришлось отказаться, поэтому Раимов изменил регламент собрания и вместо воззваний к патриотизму своих подчиненных перешел к представлению оных друг другу. Так Шныгин узнал, что всклокоченный профессор за столом, Петр Данилович Зубов, возглавляет научную группу проекта и является Эйнштейном, Менделеевым, Ньютоном и Марией Склодовской-Кюри вместе взятыми.

Маленький японо-китаец, что до сих пор крутился около танка, оказался просто японцем. Звали его Хиро Харакири, и был он одним из самых выдающихся специалистов по компьютерным технологиям современности. Настолько выдающимся, что Бил Гейтс его рожу на дух не выносил и специально повесил фотографию Харакири у себя в кабинете, чтобы в момент жесточайшей депрессии, вызванной очередным падением курса акций «Майкрософта» на мировом рынке, швырять в изображение японца различными частями раритетного «Пентиума-133».

С мужчиной в строгом костюме и с вечной сатанинской улыбкой на лице Шныгин так толком не разобрался. Нет, с именем этого персонажа ему было всю ясно – человека звали Пьер Гобе. Был он французом, чьи предки при Наполеоне Бонапарте эмигрировали в Канаду, а во времена Жака Ширака вернулись обратно... То есть, не те же самые предки, конечно, хотя Пьер почему-то утверждал обратное. Француз, естественно, никто не верил, но спорить с ним не решались, поскольку ходили слухи, что Гобе своей идиотской улыбочкой довел до сумасшествия целое племя канадских апачей.

Совершил он сей неблагоприятный поступок от того, что прочитал в какой-то записке своего предка о том, что вождю этого племени оный предок в 1808 году оставил на хранение ключ от шкатулки, где деньги лежат. Вот и приставал Гобе к индейцам, пытаясь узнать, где спрятался указанный предком вождь и почему он не хочет отдать «подателю сего письма» отданный ему на хранение ключ. В итоге все племя сошло с ума и сбежало на Аляску, а Гобе вернулся домой и преспокойно стал психологом. Шныгин о психологах, конечно, слышал, но поскольку в России таких невиданных зверей для малоимущего населения сроду не водилось, не имел никакого представления о том, чем специалисты в этой области профессии занимаются.

Остальных старшина уже знал, но был вынужден выслушивать, как Раимов представляет их друг другу. Ну а когда с процедурой знакомства было покончено, майор кратко обрисовал, зачем вся эта масса разношерстных людей собралась в одном месте. Он рассказал о том, что масса газетных публикаций о том, что Землю посетили пришельцы, была не выдумкой, а реальностью. Вкратце поведал о том, как правители самых могущественных государств безуспешно пытались бороться с этим нашествием и, наконец, собравшись вместе, решили организовать совместный проект.

– Наша цель, товарищи, господа и прочие граждане, заключается в том, что мы должны отыскать эффективное средство для борьбы с нашествием, – закончил свою речь Раимов. – В первую очередь нашей задачей является сбор информации об инопланетянах, захват их технологий, ну и, по возможности, пресечение активности пришельцев в густонаселенных районах. Сейчас профессор Зубов сделает вам доклад, а затем можете задавать свои вопросы.

Всклокоченный профессор на секунду перестал вертеться, как уж на сковородке, встал и совершенно обычно походкой подошел к занавешенному стенду. Затем его движения вновь стали лихорадочными, и вместо того, чтобы спокойно отодвинуть занавеску в сторону, Зубов сорвал ее и бросил на пол. Туда же полетел и первый плакат, изображавший привычных рус-

скому взору «зеленых чертиков». Ткнув указкой в это наглядное пособие, увидеть которое теперь можно было только с потолка, профессор проговорил:

– Пришельцы бывают нескольких типов. Первый из них вы видели. Если не все, то я уж точно. Поэтому говорить о них много не будем. Скажу лишь то, что появились на земле они с возникновением человечества и, видимо, являлись передовыми отрядами разведки, подготавливающими вторжение. Второй тип, – Зубов элегантно движением указки выколол изображенному на следующем плакате монстру правый глаз, – появился совсем недавно. Они, как вы видите, длинноухие, длинноносые и, по непроверенным наукой фактам, могут еще и летать. Сволочи! – профессор сорвал плакат со стенда и, судорожно скомкав его, зашвырнул в зрительный зал, представив на суд зрителей совершенно чистый лист бумаги. – В описании третьего типа пришельцев очевидцы расходятся, поэтому я вам его не нарисовал. Увидите все сами, а пока я вам расскажу о некоторых особенностях национальной охоты...

С этими словами Зубов взялся за пересказ сюжета известного почти всему миру фильма и остановился только тогда, когда Харакири-сан заявил, что у милиционера Семенова спросили не «налить тебе выпить?», а «водку пить будешь?» Профессор удивленно посмотрел на компьютерщика, затем, заявив, что к делу это не относится и он вообще отказывается рассказывать, когда его перебивают, вернулся на свое место.

– И что, милиционер Семенов водку выпил? – с трепетом в голосе поинтересовался у Шныгина американский «морской котик».

– Конечно, темнота ты необразованная, – несказанно удивился старшина. – Кто же ее, родимую, отказывается пить. Тем более на халяву...

– Капрал Кедман, вы что-то хотели спросить? – поинтересовался со своего места Раимов, не расслышавший, о чем идет речь в задних рядах.

– Так точно, сэр! – вскочил со стула американец. – Позвольте узнать, почему для выполнения этой операции были выбраны именно мы?

– Разрешите, я отвечу? – проговорил Пьер Гобе и после утвердительного кивка майора встал со своего места, повернувшись лицом к солдатам. – Видите ли, господа, человечество столкнулось с неразрешимой проблемой галактического масштаба. Суть ее не в том, что люди чего-то не могут, а в том, что они чего-то не хотят. Или, наоборот, хотят слишком сильно. Исследования показывают, и уважаемый всем прогрессивным человечеством господин Зигмунд Фрейд это подтвердил, что в основе любого конфликта всегда следует искать сексуальную подоплеку. К примеру, если вы видите сон о том, что успешно боретесь с пришельцами...

Шныгин почувствовал, как у него заломило зубы, волосы стали подниматься дыбом и язык полез изо рта с явными намерениями удушить своего хозяина за шею. Старшина клетками подкорки головного мозга понимал, что все это отрицательное поведение организма является просто защитной реакцией на речь француза, и головной мозг просто рефлекторно пытается от нее защититься, но понимал это неосознанно. А сознательно ему просто захотелось психолога убить. Шныгин посмотрел по сторонам, пытаясь отыскать подходящий для этой операции предмет до того, пока собственный язык его не задушил, но ничего подходящего кроме Пацука с его оселедцем не нашел. Решив, что если схватить украинца за хохол и бросить им во француза, то еще вполне можно успеть спастись, старшина уже собрался попытаться выполнить эту операцию, но тут раздался громовой голос майора.

– Молчать! – рявкнул Раимов и Гобе, действительно, замолчал. – Да что же вы за инквизитор какой? С ума от вас сойти можно.

– В натуре, инквизитор, – буркнул Шныгин себе под нос.

– Мужики, а что, нормальная кличка для француза? – шепотом поинтересовался у остальных членов боевой группы Пацук. Возражений не последовало, а старшина даже хлопнул по плечу украинца.

– А ты ничего. Мужик нормальный, – проговорил он. – Хорошо, что я не успел тебя за хохол схватить и в Гобе бросить.

– Ну, спасибо! – обиделся есаул и сбросил с плеча шныгинскую руку. – Я от такой репы москальской другого и не ожидал.

– Так я же только хотел... – попытался было оправдаться старшина, но договорить не успел.

– Я отвечу на вопрос капрала, – громогласно заявил майор. – Конечно, говорить, как господин Гобе, я не умею, поэтому буду краток. Короче, бойцы, на этой базе вы оказались исключительно из-за своей феноменальной тупости. В смысле, невосприимчивости к внушению. Над солдатами каждой армии специалисты провели особые тесты и выяснилось, что только вы четверо обладаете исключительной способностью никак не поддаваться на всякие воздействия с чужой стороны. В том числе и гипнозу не подвержены совершенно. К тому же, вы все идеально говорите по-русски, что тоже являлось основным условием отбора. В общем, благодаря сочетанию множества факторов вы здесь, и вы вчетвером будете нашей главной ударной силой.

– Значит, «феноменальная тупость»? – обиделся Пацук, который, как понял Шныгин, страшно любил это занятие.

– Я же поправился, есаул! – рывкнул со своего места Раимов. – Еще есть вопросы?

Вопросов, конечно, было очень много. В первую очередь они касались страшной секретности проекта. Никто из бойцов до самого последнего момента не имел никакой информации о том, куда именно их переводят и чем на новом месте они будут заниматься. Майор объяснил это элементарной безопасностью. Дело в том, что чиновники на самом высоком уровне вполне справедливо опасались вмешательства пришельцев в организацию нового проекта. Инопланетяне могли попытаться уничтожить базу, являющуюся единственным оплотом землян в борьбе с нашествием. Именно поэтому о ее существовании до последнего момента знали лишь немногие.

– Деревню спешно эвакуировали и, как вы видели, сверху поставили муляжи, призванные усыпить бдительность пришельцев, – подвел итог Раимов. – Затем под деревней лучшие специалисты четырех стран построили эту базу и вы в ней будете жить безвылазно. Никаких увольнений, никаких отпусков, никаких свиданий с близкими. Я понимаю, это трудно, но на карту поставлено существование всей нашей цивилизации. Поэтому придется терпеть, но помните, когда мы победим, потомки нас не забудут!..

– Еще как забудут, – обиженно буркнул Пацук. – Вот родится у моей жены сын, пока я тут сижу, и о моем существовании даже знать не будет. Воно ж как у жинок бывает?.. Не видит мужа пару лет и от тоски ребеночка рожает.

– Ничего. Пошлете сыну фотографию. Ко дню получения паспорта, например, – буркнул в ответ майор. – В общем, солдаты, вы сейчас находитесь на самой страшной и опасной в истории человечества войне. Поэтому о сентиментальностях забудьте. Помните только то, что если бы вы с пришельцами не боролись, у ваших жен вообще не было бы детей, у ваших отцов цирроза печени, а у матерей седых волос. Все бы они умерли, не успев познать все это! – Раимов посмотрел на часы. – Остальные вопросы зададите завтра. А сейчас отправляетесь по своим местам. По расписанию у вас ужин, личное время и отбой. Кстати, завтра с утра у всех начнутся первые занятия по организации борьбы с пришельцами. Все. Всем спасибо. Разойтись!

– Кажется, я сердечно начинаю любить майора, – буркнул Пацук себе под нос, поднимаясь с кресла.

– Да. Заботливый командир, – согласился с ним Шныгин. – Теперь тебе даже о ребенке беспокоиться не надо. Раимов сам все сделает и даже дитю на совершеннолетие из твоего личного дела фотографию пошлет. Порнографическую, – и, увернувшись от подзатыльника, под радостный гогот Зибциха и Кедмана помчался по коридору, спасаясь от преследования разъяренного есаула...

ГЛАВА ВТОРАЯ

И снова Земля. Место, которое колхозом никак назвать уже нельзя. Так, муляж. Подземный бункер под ним... Хотя нет. Сибирь. Впрочем, пусть будет и то и другое... Давно ясно, что не зима. Но теперь еще известно, что уже и не лето. Точное время станет известно позже. Впрочем, понятно, что оно местное.

Сирена взвыла посреди ночи. Сначала истошно заверещала, требуя внимания к своей персоне, затем коротко взвизгнула, сообщая всем, что через пару секунд ей может и надоест всеобщее пренебрежение, и наконец, тоскливо простонав, скисла, как и предсказывал Зибцих. Кстати, немец был единственным, кто по первому же звуку тревоги оказался на ногах, и теперь он стоял посреди комнаты, торопливо застегивая китель. Кедман поднялся чуть позже, зато оделся значительно проворнее и к тому моменту, когда, на всякий случай хрюкнув, сирена окончательно затихла, уже стоял в дверях и удивленно рассматривал с высоты своего двухметрового роста Шныгина с Пацуком, явно не желавших встать с кроватей.

– Эй, вы чего лежите? – удивленно поинтересовался негр. – Поднимайте свои белые задницы. Или к русским сигнал тревоги не относится?

– Если ты, еврейская морда, еще раз меня москалем назовешь, я тебе в глаз дам. Я украинец и к русским никакого отношения не имею, – пообещал Кедману оскорбленный Пацук, а затем кивнул в сторону Шныгина. – Пусть эта репа первой встает. Не бывает тому, чтоб украинец уже трудился, а москаль бока себе отлеживал! Хватит, натерпелись...

– Я вам сейчас устрою тут очередь за татаро-монгольским игом! – раздался из-за спины Кедмана визгливый голос, и Пацука со Шныгиным мгновенно сдуло с кроватей, словно косяк полесских журавлей под зенитно-ракетным огнем.

Здоровенный негр с неожиданной для его комплекции легкостью и проворством отлетел в сторону от двери и, прижавшись спиной к стене, вытянулся по стойке «смирно». Зибцих тоже застыл, но посреди комнаты. Верхнюю пуговицу кителя он застегнуть так и не успел. Поэтому, сохраняя истинно арийскую выдержку и окаменелое выражение лица, лишь покраснел от стыда за то, что не успел одеться раньше американца. И более ничем своей досады не выдал. Пацук же со Шныгиным принялись торопливо натягивать амуницию, шипя друг на друга, как пара влюбленных гадюк.

Причиной же всеобщего переполоха стал, естественно, майор Раимов. Маленький, кривоногий командир группы подбоченившись стоял в дверях и сердито глядел на копошащихся у своих кроватей Пацука со Шныгиным. Шевеля губами, майор отсчитал положенные сорок пять секунд и затем принялся делать это во второй раз, поскольку украинец успел только натянуть брюки с кителем, а Шныгин и до кителя еще не добрался. Ну а когда и после третьего отсчета сорока пяти секунд славяне так и не успели одеться, Раимов не выдержал.

– Старшина, вас в учебке хреново гоняли? – рявкнул он, обращаясь к Шныгину. – «Подъем-отбой» нужно с вами порепетировать?

– Никак нет, товарищ майор, – в полном соответствии с уставом отрапортовал Шныгин, а затем уже от чистого сердца добавил: – А вообще-то, Василий Алибабаевич, куда торопиться? Вы же сами вчера сказали, что с утра у нас занятия начнутся...

– Старшина, мне вам объяснить, что должен делать солдат по сигналу тревоги? – вкрадчиво поинтересовался майор, но именно эта вкрадчивость и заставила бравого старшину заткнуться.

– Никак нет! – снова рывкнул он и, решив не нарываться на возможные санкции со стороны нового руководства, мгновенно привел себя в божеский вид. А затем посмотрел на часы. – Мать моя доярка, времени еще только три часа ночи! Что же, нам спать совсем не положено?..

Собственно говоря, негодование старшины в некоторой степени было вполне оправданно. Вчера прямо перед отбоем Раимов заявился в кубрик боевой группы. Ему, видимо, показалось мало просветительской работы на общем собрании, и майор решил продолжить ее и в тот период времени, который был им же самим отведен бойцам для ничегонеделания.

Раимов собрал всю четверку в комнате отдыха и, рассадив бойцов полукругом, для затравки прошелся сначала по будущему Земли, зависящему исключительно от работы вверенного ему подразделения. Слушали его невнимательно, поскольку ни один из членов группы ни капли не верил в свою исключительность. Все четверо вполне резонно предполагали, что уж если целые армии и прочие спецслужбы оказались не в состоянии справиться с нашествием инопланетян, то куда уж им четверым, сирым и убогим, остановить пришельцев.

Об этих сомнениях бойцы и заявили майору, на что получили отповедь в довольно резкой форме. Раимов ругался долго, и самым мягким выражением в его лексиконе долгое время оставалась фраза «специально подготовленные идиоты». Ну а когда его словарный запас несколько иссяк, майор заявил, что никто не требует от четверки спецназовцев идти в атаку на легионы инопланетян. Их задачей является поиск средств борьбы с пришельцами. Причем, абсолютно любыми способами.

– То есть, если я, к примеру, отстрелю какому-нибудь пришельцу ногу, меня к суду за превышение должностных полномочий не привлекут? – наивно поинтересовался Зибцих.

– Да делайте с ними все, что хотите, – благодушно разрешил майор. – Только помните, что должны тащить нашим ученым все. Начиная от трупов и частей тела пришельцев, кончая оружием и аппаратурой с их кораблей и баз. Если, конечно, нам удастся до техники инопланетян добраться.

При этих словах Раимова Пацук почему-то хитро прищурился, облизал губы и потер руки. Кедман удивленно покосился на него, дескать, я не понял, кто тут еврей, а затем вновь переключил внимание на майора. Тот дальше распространяться о целях и задачах бойцов не стал. Прервав свои возвышенные речи, Раимов объявил всем, что, во-первых, внутри нового спецподразделения их старые звания утрачивают свое значение, и теперь к каждому из них применительно лишь одно обращение – «агент». А во-вторых, все старые клички и позывные бойцам следует забыть. Теперь у них будут новые прозвища. Ну а за употребление в эфире хоть какого-нибудь настоящего имени бойца или сотрудника подразделения будут следовать немедленные санкции. От подзатыльника до расстрела и электрического стула.

Если второе у четверки спецназовцев нарекания практически никакого не вызвало, то первое утверждение майора они встретили бурей возмущения. Даже педантичный Зибцих, не имевший привычки обсуждать приказы командования, и то заявил, что лишение его звания ефрейтора, которое он заслужил пятью годами безупречной службы, он непременно будет оспаривать на самом высочайшем уровне. Вплоть до министра обороны и верховного главнокомандующего! Про остальных и говорить нечего. Вопили они так, что Раимову дурно стало и он невольно подумал, что самый простой способ заткнуть этих «ораторов», это расстрел без суда и следствия. Подумал и забыл. А вместо того, чтобы перестрелять всех бунтовщиков, просто заорал:

– Мо-олчать!

– Во-первых, – заявил майор, как только после его крика наступила тишина, – бойцы, напомню, и это в последний раз, что приказы командира не обсуждаются. Во-вторых, никто вас звания не лишает. Более того, за службу в моем отряде вам увеличивают выслугу. Год за пять, – тут последовал обрадованный рокот среди слушателей, который мгновенно затих под строгим взглядом майора. – В-третьих, за каждое успешно выполненное задание вам гарантируются

всяческие поощрения и повышения в звании. Вплоть до офицерского. Ну а обращение «агент» здесь введено лишь для того, чтобы вы поняли, что в вашей среде нет ни старших, ни младших. Друг перед другом вы все равны.

– А кто же тогда будет командовать группой во время выполнения операции? – изумился Кедман.

– Я, – отрезал Раимов. – У каждого из вас помимо радики будет закреплена видеокамера на шлеме. Я буду получать с нее изображение и корректировать ваши действия с командного пункта. Ну а если потребуется, командование группой может взять на себя любой из вас. В зависимости от обстоятельств, – майор сделал паузу и многозначительно посмотрел на своих подчиненных. – Поймите, вы супер-команда, которая должна не просто бороться с пришельцами, но и побеждать. Они мусор на лице нашей земли, грязь. Даже, не побоюсь этого слова, самое настоящее дерьмо, и мы обязаны его вычистить.

– Типа ассенизаторы? – иронично поинтересовался Шныгин.

– Вот именно! – радостно поддержал его Раимов и на секунду задумался. – Официальное название нашего проекта «Звездная Каэши-ваза», но употреблять его в эфире запрещено. Думаю, объяснять, с чем именно все это связано, мне не требуется? – майор получил в ответ дружный кивок четырех разномастных голов. – Так вот, как бы нам себя назвать?.. Кедман, как у вас в Америке секретных агентов называют?

– 007, сэр! – вскочив с места, рявкнул капрал. Шныгин с Пацуком согнулись пополам от смеха, а майор недовольно поморщился.

– Я не о Джеймсе Бонде, агент, – проговорил он, впервые употребив новое обращение. – Ну, это... сериал про пришельцев. Там, где Малдер и Скалли снимаются. Как он называется?.. Кстати, будет полезно, чтобы вы все его посмотрели. Глядишь, пригодится. Так как он там назывался?..

– Икс-файлы, – мрачно ответил вместо американца Шныгин. – Все секретное у них там со знаком «X». Так что, и нас вы этой буквой пометить хотите? «икс-команда» или «икс-ассенизаторы», что ли?.. Так в любой деревне куры засмеют!

– Не засмеют, – серьезно ответил майор. – А название хорошее. И в тему. В общем, так, чтобы никто ни хрена ничего не понял, в эфире буду называть вас «икс-ассенизаторы». Вопросы есть?..

Вопросов не было. Причем Кедман и Зибцих, которые, несмотря на отличное знание русского языка, имели плохое представление о значении в России буквы «X» и слова «ассенизаторы», поддержали это предложение с радостью. Раимов покосился на недовольные физиономии Пацука и Шныгина, но поскольку те от дальнейших комментариев отказались, и сам развивать тему не стал. Майор прокашлялся и приступил к присвоению позывных каждому из бойцов своей группы.

Эфирное имя для Шныгина нашлось сразу. Окинув его взглядом, майор присвоил ему позывной «Медведь», с чем никто из присутствующих спорить не стал. С остальными было сложнее. И первая проблема появилась тогда, когда попытались придумать новое имя для Пацука.

– Как же тебя назвать? – почесывая затылок, поинтересовался Раимов. – Слушай, Микола, а какие у вас на Украине животные водятся?

– Ну, там, зубры всякие... – начал было перечислять есаул, но Шныгин его перебил.

– Какие зубры?! – фыркнул старшина. – У них на Украине кроме свиней уже никого и не осталось.

– Отставить, – рявкнул Раимов, увидев, что Пацук собрался достойно ответить москалю. – Ты, Сергей, палку-то не перегибай. А то ведь предупреждение о расистских высказываниях не только к Пацуку относится. Ну а Миколу ни свинья, ни зубр не подходят. Для первой рылом не вышел, а для второго стать не та. Короче, есть еще предложения?..

Предложений была масса, причем поступали они в основном от самого украинца. Микола перебрал названия всех зверей, к которым испытывал хоть какую-либо симпатию, но ни один из этих вариантов майора не устроил. В итоге Раимов махнул на все рукой и обозвал есаула барсуком. А когда тот поинтересовался, почему выбрано именно это имя, майор пожал плечами и заявил, что оно просто с фамилией украинца рифмуется.

С Зибцихом было несколько проще. Во-первых, потому, что назвать навскидку какое-нибудь европейское животное никто не мог. Звери в Европе водились теперь только в зоопарках, а там, как известно, каких только тварей не наблюдается. Ну а во-вторых, ефрейтор сам предложил свой новый позывной – «Енот». А когда Ганса спросили, почему он выбрал именно это животное для псевдонима, ефрейтор ответил, что считает енотов самыми опрятными зверюгами в мире.

– Есть даже енот-полоскун, который перед каждым приемом пищи в воде руки моет, – скромно потупив очи долу, заявил Ганс. – Если герр майор не возражает, конечно.

– Нет, не возражаю. Пусть себе моет, – разрешил Раимов. – Ладно. Хочешь быть енотом, будь им! – а затем повернулся к Кедману. – Ну а тебя как обозвать?

– Бык, – совершенно серьезно заявил негр. Пацук со Шныгиным снова фыркнули.

– Это почему? – удивился Раимов.

– А я за «Чикаго Буллс» болею, – Кедман ткнул себя пальцем в грудь. Именно в то место, где на его майке было написано название любимой команды. – На русский это переводится, как «Чикагские быки».

– Без тебя знаю, что и как переводится, – буркнул майор. – А позывной твой не годится. Во-первых, неблагозвучный он. А во-вторых, никаких ассоциаций быть не должно. Вот услышит кто-нибудь в эфире, как мы тебя быком называем, и подумает, а почему «бык»? А не потому ли, что он за «Чикаго Буллс» болеет? Так, кто у нас поклонником этой команды является? Ага, Кедман!.. И все, накрылась вся секретность медным тазиком, – негр просто обалдел от такой логики татарина. – Еще варианты?

На долгое время в комнате отдыха наступила гробовая тишина. Не то, чтобы ни у кого из присутствующих никаких названий животных в голове не возникало, но как-то не подходили они все к внешности огромного негра. И неизвестно, до какой поры затянулось бы выдумывание позывного для Кедмана, если бы он сам, пусть и невольно, не решил эту проблему. Видимо, собравшись доложить Раимову о каком-то новом варианте своего позывного, капрал снова вскочил с кресла и в порыве служебного рвения отдал отдал Пацуку ногу.

– Ну, ты, слон иерусалимский, смотри, куда встаешь! – завопил украинец, с трудом выдернув ступню из-под огромной лапы американца.

– Вот! Верно, – воскликнул майор и, поймав на себе удивленные взгляды подчиненных, хмыкнул. – Позывной «слон» будет самым подходящим вариантом для агента Кедмана.

– Есть, сэр. Не возражаю, сэр! – согласился Джон и, покосившись на продолжавшего морщиться Пацука, опустил на свое место...

В общем, все это продолжение общего собрания в комнате отдыха боевой группы затянулось до полуночи. Именно поэтому Шныгин имел полное право возмущаться неожиданным подъемом в три часа ночи. Ну а не имел права на проявление своего негодования старшина потому, что был на воинской службе. А у людей, выбравших подобный род деятельности, как известно, есть устав, в котором черным по бумаге написано: «Пункт первый. Командир всегда прав. Пункт второй. Если командир не прав, смотри пункт первый». Вот поэтому возражать против нештатного подъема было бессмысленно... Да, собственно говоря, никто и не собирался. А слова старшины были просто криком души.

– Объясняю боевую задачу, – заявил майор, когда личный состав, наконец, выстроился около коек. – Сегодня в два десять российскими перехватчиками над территорией Западной

Сибири был сбит вражеский НЛО. Не знаю, как они умудрились это сделать, пьяные, что ли, были, но факт остается фактом. НЛО сбит и вам следует выехать на зачистку района.

– А до утра это не подождет? – поинтересовался Пацук, которого после заявления старшины о том, что сейчас три часа ночи, стало страшно клонить в сон. – Какая хрен разница, когда мы на обломки попадем? Воно ж все равно хлам там один и руины.

– Агент Пацук, разговорчики в строю! – рявкнул на украинца майор. – Группа, объявляю боевую готовность номер один. Что вы на меня вытаращились? Марш экипироваться!..

В одно мгновение всех четверых бойцов вынесло из кубрика и внесло в оружейную комнату. Правда, при этом не обошлось без пострадавших – у майора ветром от движения спецназовцев испортило прическу и оторвало от кителя верхнюю пуговицу, тумбочка Кедмана была серьезно покалечена, а три двери отделались легким испугом и отомстили за это незначительными ушибами плеч «икс-ассенизаторов».

В оружейной, дверь которой разблокировалась только с пульта управления в штабе группы, царил полумрак. Непонятно, кто и зачем придумал такую иллюминацию, но единственными источниками света в хранилище боевого снаряжения были небольшие плафоны над металлическими шкафчиками, на которых красным лампочками изнутри высвечивались фамилии членов группы. Кедман, влетевший в оружейную первым, остановился у своего шкафчика и в растерянности подергал ручку.

– Приложите большой палец левой руки к сенсорной панели рядом с замком, – скомандовал Раимов, не заходя в оружейную.

– А на фига? – поинтересовался от своего шкафчика Шныгин. – Выломать дверь, да и дело с концом.

– Я тебе попорчу казенное имущество! – рявкнул на него майор. – Выполнять приказ.

Сергей выполнил ЦУ начальства и дверь открылась автоматически, представив взору старшины содержимое шкафчика. Шныгин удивленно застыл на месте, глядя на сокровища, хранящиеся внутри. С частью из снаряжения, как и положено российскому спецназовцу, старшина уже был знаком. Но были внутри вещи и не совсем понятные. Автомат, например, совершенно невообразимой формы, напоминавший бредовую смесь М-16, «Калашникова» и коробки от макарон Разлюляй-Кукуевской фабрики утилизации отходов. К тому же, неведомая конструкция была оснащена оптическим прицелом, выглядевшим также не совсем обычно.

– Это что за хреновина такая? – растерянно поинтересовался Шныгин, рассматривая необычное оружие.

– «УФО-1», – ответил Раимов. – Удивительно фартовое оружие, модель первая. Прицел компьютерный. Можно высунуть оружие за угол и совершенно спокойно прицеливаться во врагов, – майор вынул из шкафчика боевой шлем со странной конструкцией на боку, которая, опускаясь, плотно закрывала правый глаз. – Вот в эту каску встроен компьютер, который принимает сигнал от прицела автомата и передает его на жидкокристаллический экран в окуляре. Помимо этого, компьютер в шлеме поддерживает связь с десантным кораблем, через который передает мне на пульт сигналы... Впрочем, обо всем потом. Сейчас давайте экипироваться.

– Товарищ майор, так с этим снаряжением сначала попрактиковаться нужно, – возмутился Шныгин. – Мы же совершенно не знаем, как оно себя в боевых условиях поведет. К тому же, автомат, наверняка, не пристрелен...

– Согласен, старшина, – кивнул головой Раимов. – По плану у вас должна быть двухнедельная специальная подготовка. Но кто же знал, что эти уроды «тарелку» собьют?! До сих пор, мать их в гарем к персидскому шаху, ни один корабль пришельцев не сбивали, а тут надумали, – майор запнулся. – Хватит разговорчиков! Приступить к экипировке.

Бойцы бросились выполнять приказ. Правда, поскольку в этот раз бежать никуда не требовалось, то никто больше и не пострадал. А боевое снаряжение, изобретенное лучшими уче-

ными планеты и доработанное российскими техниками с учетом национального характера, разве что прямое попадание водородной бомбы выдержать бы не смогло. Поэтому когда Сергей уронил миниатюрный микрофон, крепящийся непосредственно к горлу, и наступил на него каблуком, приборчик даже не поморщился.

Худо-бедно, но с экипировкой бойцы справились минут за пять, и предстали перед Раимовым во всей спецназовской красе – в супер-легких бронежилетах с массой кармашков, по которым было рассовано множество необходимых солдату вещей; в касках, здорово напоминавших мотоциклетные закрытые шлемы, с той лишь разницей, что в экстренных случаях они могли обеспечить солдату получасовое автономное обеспечение кислородом из небольшого баллона, закрепленного в ранце; с плоскими ранцами с боеприпасами и спецсредствами за плечами и с необычным оружием в руках.

– Ну, вперед! – вздохнул майор. – За мной марш. Подземный вход на аэродром из штаба группы, – и, чуть помедлив, пояснил: – Вчера только достроили.

Громко топая башмаками по полу, отряд промчался в штаб и, провожаемый отечески-теплым взглядом Раимова, скрылся за одной из дверей. Подземный коридор к аэродрому, действительно, достроили недавно и кое-где цемент даже не до конца просох. Зато дезинфекционный тамбур был в полном порядке и отлично функционировал. Неизвестно зачем, но обработка бойцов велась не только при входе в бункер, но и при выходе наружу. Правда, наглотаться газа Шныгину в этот раз не пришлось – шлем сработал автоматически и, едва начались изменения в составе окружающей бойцов атмосферы, мгновенно загерметизировался и, оценив степень угрозы человеку, на автономное питание не перешел, включив лишь внешние фильтры.

– Оба-на! Воно ж смотрите, какая техника! – изумился Пацук. Причем, несмотря на то, что говорил украинец почти шепотом, его голос был отлично слышен остальным бойцам благодаря внутренней связи. – Надо будет у майора один запасной попросить.

– Зачем? – изумился Кедман. – Или ты себе вторую голову занять собрался?

– Тю, недогада. А еще, тоже мне, еврей называется, – ехидно фыркнул есаул. – Посмотреть хочу, як устроен. Может быть, усовершенствования какие внесу.

– Ты уж внесешь, – фыркнул Шныгин. – Так внесешь, что шлем потом никто и нигде найти не сможет.

– Мужики, может быть, перестанем болтать о всякой ерунде? – осторожно поинтересовался Зибцих.

– Ого, немец заговорил! – изумился Шныгин. – Тебя кто спрашивал?.. Поэтому и молчи. Твой номер семнадцать.

– Ты чего к немцу причепился? – тут же возмутился Пацук. – Он, между прочим, хоть и не украинец, но единственный приличный человек во всем вашем обществе.

– Это еще наукой не доказано, – возразил ему старшина. Кедман, секунду подумав, кивнул головой, соглашаясь со Шныгиным.

– А-ну, прекратить бессмысленную болтовню в эфире! – раздался в наушника всех членов группы голос Раимова.

– Товарищ майор, а вас можно отключить? – наивно поинтересовался в ответ на эту реплику командира Пацук и тут же услышал в свой адрес неприлично большую порцию отборного мата. – Понял. Вопросов больше не имею.

До самолета группа добралась в полном молчании. При этом получилось как-то само собой, что Шныгин с Кедманом шли впереди, а Пацук с немцем разместились в арьергарде. Добравшись до летающего такси, Сергей хмыкнул, заметив, что на том отсутствуют какие-либо признаки недавнего пребывания в застывшем цементе, и первым нырнул внутрь.

К его удивлению, салон самолета не был пуст. Прямо в центре возвышался тот самый небольшой танк, вчера вечером бесцеремонно, с летальным исходом для дверей, вторгшийся

в актовЫй зал. А рядом с ним, согнувшись над панелью управления, стоял японец. Он снова что-то делал с приборами, правда, танк в этот раз манипуляторы свои к его карманам не протягивал.

– Здорово, Харакири-сан, – приветствовал японца Шныгин.

– И вы здравствуйте, – грустно проговорил компьютерный спец. – Если оно вам нужно.

– Ты чего такой опущенный? – удивился старшина.

– А чему радоваться? – меланхолично пожал плечами японец. – Спать не дают, танк не слушается, да еще и Тубик, «тамагочи» мой, потерялся. Лежит, бедняжка, где-нибудь, голодает. А никому до этого и дела нет.

– Найдется, не переживай, – утешил его Сергей. – Танк не подведет?

– Не подведет, – пожал плечами Хиро. – Если не захочет.

– Ну-ну, – хмыкнул старшина и прошел в салон.

Осмотревшись по сторонам, Шныгин уселся в то самое кресло, которое занимал во время полета на базу. Огромный негр тут же опустился на соседнее, а Зибцих с Пацуком разместились напротив. И едва они уселись, как в салон просунулась знакомая Шныгину физиономия пилота.

– Уважаемые пассажиры, как говорится, пристегните ремни, и приятного вам полета, – заявил он и тут же скрылся в кабине. – И еще, этого... того... А! Провожающие, покиньте, пожалуйста, салон. А то на фиг трап уберу.

– У него с головой не в порядке? – неизвестно у кого поинтересовался старшина.

– Нет. Он бывший летчик-испытатель, – буркнул Пацук, который, похоже, знал абсолютно все. – Летал на самых новых машинах, но после того, как разбил сто двадцать шестой самолет, был переведен в гражданскую авиацию. Стюардессой, – и ехидно хихикнул. – Я все верно рассказал, товарищ майор?

Ответа не последовало. Есаул пожал плечами и, посмотрев вслед Харакири, торопливо скрывавшемуся в темноте за бортом самолета, демонстративно вежливо помахал японцу рукой. Задняя стенка самолета плавно поднялась, герметизируя салон. Затем раздалось мягкое журчание двигателей вертикального взлета, и транспортная машина легко оторвалась от земли. Кедман тут же достал из кармана одноразовый бритвенный станок и принялся скрестить им по подбородку. Шныгин удивленно посмотрел на соседа.

– А я фильм однажды видел. Там один из героев все время в полете бреется, – пояснил свои действия негр. – Мне понравилось. Правда, когда в воздушную яму попадаешь, можно горло от уха до уха разрезать, но зато смотрится круто.

– Ну-ну, – хмыкнул Шныгин, и с совершенно чистой совестью завалился спать.

Остальные члены боевой группы отдыхали каждый по-своему. Пацук снял с головы шлем и принялся покрывать свой лысый череп с сиротливо торчавшим оселедцем черной краской. Делал это Микола в силу давней боевой привычки и когда закончил камуфлирование сверкающей лысины, то стал выглядеть столь устрашающе, что знай пришельцы, с кем именно им предстоит столкнуться на своем жизненном пути, ни хрена на Землю не прилетели бы.

А вот Зибцих занялся оружием. Трижды он разбирал и собирал автомат новой конструкции. Причем дважды у него после сборки оставались лишние детали, а в третий раз он не сразу смог отыскать то место, куда следует вставлять рожок с боеприпасами. С четвертой попытки ефрейтору удалось, наконец, полностью справиться с новым оружием, но Ганс снова разобрал его, на этот раз только для того, чтобы почистить. Минут двадцать ефрейтор полировал автомат, затем смазал трущиеся части маслом и после этого принялся за личную гигиену. Уединившись в туалете, Ганс почистил зубы, помыл голову, выгреб серу из ушей, провел косметическую чистку кожи лица и, вымыв напоследок руки, вернулся в салон.

– Сэр! Вы фрак на вешалке забыли, сэр, – вскочив с места, доложил Кедман.

Зибцих растерянно обернулся и постучал указательным пальцем по лбу, недвусмысленно давая понять капралу, какого мнения придерживается о его умственных способностях. Негр заржал, как тexasская лошадь, и, достав из-за пазухи свисток, выдал такую оглушительную трель, что не только Шныгин проснулся, но и пилот выскочил из своей кабины.

– Тут не разгерметизация салона? – испуганно поинтересовался он.

– Нет. А там, за штурвалом, кто-нибудь есть? – в свою очередь спросил Кедман. Пилот на секунду задумался, затем достал из кармана пластиковую полторалитровую бутылку самогонки. Под жадным взором Пацука он сделал большой глоток и смачно крякнул.

– Не-а, – после столь эффективной подпитки коры головного мозга оповестил он всех. – А я автопилот забыл включить, – и тут же торопливо скрылся в кабине.

– Ты чего свистишь, блин? – не обратив внимания на пилота, обратился к Кедману Шныгин, потирая заспанные глаза. – Охренел, блин? Тебе рассказать, как Кузькину маму зовут?

– Да не хватайся за свою белую задницу, – добродушно хмыкнул негр. – Это не тревога. Примета у меня такая. Если в свисток перед началом задания дуну, непременно все хорошо закончится.

– Я бы тебе сказал, куда нужно свистнуть, да слух товарища майора коробить не хочу, – хмыкнул Пацук. – На баскетбольной площадке дудеть будешь, свисток хренов.

– Похоже, у нашего друга Кедмана появилось прозвище, – широко улыбнулся Зибцих. Капрал оскалится, демонстрируя полный набор идеально белых зубов, но комментировать заявление ефрейтора не стал.

Дальнейшая часть полета проходила практически в полной тишине. Никто из боевой четверки, даже Зибцих, отлично ориентирующийся в географии России, не знал, где именно находится их база. Поэтому ни один из членов группы не имел представления о том, как долго самолет будет лететь в район Западной Сибири, где отряду следовало отыскать сбитую перехватчиками «тарелку» и пришельцев. Если, конечно, кто-то из экипажа инопланетного судна остался жив.

Ефрейтор с момента старта самолета засекал время, чтобы определить, насколько далеко Западная Сибирь находится от базы, и все время внимательно следил за секундомером. Остальных членов команды, похоже, местоположение их новой воинской части мало интересовало. Шныгин вновь завалился спать, Кедман от скуки начал бриться во второй раз, а украинец о чем-то задумался и встрепенулся только тогда, когда самолет начал снижение. Зибцих посмотрел на хронометр.

– Почти два часа, – проговорил он. – Есть два предположения. Либо наша база находится на Урале, либо самолет передвигается необычайно быстро.

– А тебе не по хрену? – удивленно посмотрел на него старшина, второй раз за время полета пытаясь проснуться. – Какая разница, где находится наша база, если там начальства всего один человек?..

Договорить он не успел, поскольку из кабины пилотов вновь появилась морда летчика. На этот раз морда выглядела уже не такой свежей, и для тренированного взгляда старшины стало очевидно, что самогонки в полторалитровой бутылке вряд ли осталось хоть на доньшке. Шныгин вздохнул и тоскливо посмотрел на пилота.

– Как говорится, наш рейс заканчивается, – икнув, подвел пилот итог полета. – За бортом светает, температура нормальная, ветер не замечен. Счастливого вам отдыха.

– Да пошел ты, – буркнул в ответ Шныгин, и пилот пошел. Правда, не туда, куда направлял его обиженный старшина, но сути происходящего это не изменило.

Самолет «икс-ассенизаторов» опустился на лесной дороге. Вокруг оной, как и положено в нормальном лесу, росли деревья, кусты, травы и прочие присущие региону элементы флоры. Женьшень, правда, несмотря на тщательные поиски, проведенные Пацуком, нигде не наблюдалось, да и медведей, к немалому удивлению Кедмана, за исключением старшины, поблизо-

сти тоже не оказалось. Негр тут же заявил, что они не в России и пожелал разбудить пилота, уснувшего за штурвалом сразу после посадки, дабы выяснить, в какое именно место этот подлец забросил отряд. Сделать этого, правда, он так и не успел, поскольку в наушниках шлемов раздался голос Раимова.

– «Салатницу» видите? – поинтересовался майор.

– Какую салатницу? – Шныгин оторопело посмотрел по сторонам. – Товарищ майор, вы же нас не на банкет, а в Сибирь сослали.

– Во-первых, Медведь, не товарищ майор, а шеф, – голос Раимова шипел от недовольства, словно сода в стакане с лимонной кислотой. – Во-вторых, не буду же я в прямом эфире говорить тебе «летательный аппарат инопланетного происхождения». Даже дурак в состоянии понять, что когда я произношу «салатница», значит имею в виду «тарелку» инопланетян! Ну а в-третьих, я вас отправил на боевое задание, а не сослал в Сибирь! Декабристы хреновы...

– Това... Воно ж, шеф, я хотел сказать, а вы сами уже дважды правила секретности нарушили, – хихикнув, заявил Пацук.

– Это когда? – оторопел Раимов.

– Сначала сказали «летательный аппарат инопланетного происхождения», а затем произнесли «тарелка инопланетян», – напомнил есаул.

– Я не говорил... То есть, я говорил, но... – попытался оправдаться майор, а затем разозлился. – Тьфу ты, мать твою, Барсук, в волчью стаю! Молчать и не перебивать! Еще раз спрашиваю, «салатницу» видите? – и, получив отрицательный ответ, хмыкнул. – Правильно. И не должны. Объясняю обстановку. К югу от вас, в двухстах метрах прямого пути через лес, расположена деревня под названием Клюковна. По данным, полученным с перехватчиков, «салатница» потерялась на ее окраине. НАСА только что передало сделанные со спутника снимки этого района. «Салатница», действительно, находится в границах села. Интерпол уточняет, что найти ее можно прямо в огороде механизатора Егорова, имевшего три привода в милицию за некачественное спаивание участкового. Ваша задача – проверить эти данные, найти и обезвредить сбежавшую из «салатницы» закуску, доставить на базу все, что может иметь какое-то отношение к приправам, и, соответственно, спасти жителей деревни от взбесившегося сельде-рея. Выполнять!..

– Стойте! – тут же рявкнул Раимов, не дав команде даже тронуться с места. – Чуть не забыл. Действуйте в соответствии со своей специализацией. Слон протаптыкает дорогу, Медведь его страхует, Барсук роет норы, а Енот будет все подчищать. Вопросы, группа?..

– Вопросов нет, сэр! – рявкнул в ответ Кедман.

– Еще как есть, – фыркнул Пацук. – С танком что делать? И вообще, какой у него позывной?

– Зовите его просто Бобик, – буркнул майор. – Он на голосовые команды вполне нормально реагирует. Должен, по крайней мере.

– Сейчас проверим, – пообещал Шныгин. – Бобик, к ноге!

Внутри самолета тут же раздался легкий скрежет и мини-танк, подвывая электромоторами, с невероятной скоростью выскочил наружу. Лихо повернувшись на месте вокруг правой гусеницы, он метнулся к старшине и застыл около его ноги. Причем, не просто застыл, а потерял ствол о бедро и издал звук, сильно похожий на сопение собаки, высунувшей от усердия язык. Не ожидавший такой фамильярности от боевой машины старшина отскочил в сторону, но танк не успокоился. Вопросительно подняв ствол башенной пушки вверх, бронетехника сделала небольшой рывок вперед, вновь становясь на ранее указанное Шныгиным место – прямо у правой ноги старшины.

– Воно ж, смотри-ка, и вправду слушается! – восхитился Пацук и, подняв с земли сухую ветку, некогда случайно потерянную соседней сосной, зашвырнул ее в гущу леса. – Бобик, апорт!

Мини-танк, сметая все на своем пути, бросился выполнять команду. Пару секунд из леса раздавался страшный треск, сопровождаемый отборной руганью майора в наушниках шлемов, а затем бронетехника выбралась на дорогу. То ли от излишнего рвения, то ли от несовершенства сенсорных датчиков, но танк принес обратно в манипуляторах не ветку, а средних размеров бревно и уронил его прямо на ногу оторопевшего украинца. После этого уровень матерщины в эфире значительно повысился и не утихал минут пять. Причем, орал не только Пацук с майором, но и все остальные, в самых вежливых матерных выражениях прося друг друга заткнуться. А когда, наконец, наступила тишина, группа смогла все-таки приступить к выполнению боевого задания.

Первым в гущу леса вломился танк. На удивление агентов, двигался он достаточно грамотно, стараясь производить минимум шума. И все же треску в лесу от него было слишком много. Шныгин, предпочитавший шуметь только непосредственно во время боя, поморщился, да и остальные члены группы не выглядели уж очень довольными. Однако не согласиться с тем, что в бою против пришельцев танк помехой не будет, спецназовцы не могли. Поэтому и терпели присутствие Бобика в отряде. Следом за боевой машиной выдвинулись Кедман со Шныгиным. У них на пятках висел Пацук, а замыкал группу Зибцих. Необходимо отметить, что стоило отряду только сойти с дороги, как игривое настроение с интернациональной четверки словно ветром сдуло. Видимо, у спецназовцев, хоть и с запозданием, сработали натренированные за годы службы привычки. Парни стали серьезными и полностью сосредоточились на выполнении задания.

Не добравшись до опушки леса перед деревней метров пятьдесят, группа остановилась. Танк, повинаясь приказу Шныгина, застыл на месте и принялся маскироваться под корягу, засыпая себя прошлогодними листьями и сухими ветками, а остальные осторожно двинулись вперед.

В предрассветных сумерках разобрать, что происходит в деревне, и происходит ли там что-нибудь вообще, с лесной опушки было просто невозможно. Сколько бойцы ни выглядели, ничего, кроме ближайшего к лесу покосившегося сарая, разглядеть не удалось. Даже приборы ночного видения не помогли, поскольку отказались работать, посчитав что для их нормального функционирования уже слишком много света вокруг. Шныгин чертыхнулся и, швырнув прибор ночного видения в ранец, подал знак Кедману выдвигать вперед. Негр кивнул головой и, осторожно раздвинув кусты подлеска, с неожиданной для его комплекции ловкостью и быстротой метнулся к стенке сарая. Сергей подождал пару секунд и двинулся следом, застыв у левого края здания. Осторожно выглянув за угол и не найдя там ничего примечательного, старшина посмотрел на Кедмана. Тот сделал рукой знак, что и у него все чисто, и Шныгин разрешил подойти к сараю Пацуку и Зибциху.

– Что это все как вымерли? – едва слышно поинтересовался украинец, глядя на светящиеся фосфором стрелки часов. – И коров доить скоро, а никто не проснулся. И петухи должны кричать, а тишина.

– И мертвые с косами стоят, – дополнил Шныгин. – Шеф, разрешите сбегать в сельпо. А то этого... Как его там?.. Во! Сельдерей на салат не хватает.

– В какое сельпо? Ты одурел, Медведь? – раздался в наушниках удивленный голос Раимова, а затем майор сообразил, что Сергей разговаривает на придуманном самим начальством коде. – Тьфу ты, баран...

– А он у нас уже не Медведь, а Баран? – обрадовано удивился Пацук. – Правильно, шеф! Это имя ему больше подходит.

– Отставить разговорчики, – сурово прикрикнул на подчиненных Раимов. – Действуйте согласно оговоренной схеме. Медведь и Слон вламываются, Енот с Барсуком прикрывают. Да, и не забудьте, что «салатница» валяется в огороде на другом конце села. Конец связи.

Все четверо бойцов переглянулись и, прикрывая друг друга, выскочили из-за сарая во двор. Зибцих тут же залег за проржавевшим корытом, взяв под прицел дверь дома. Есаул пристроился рядом, но ствол автомата направил на вход в сарай, а Шныгин с американцем застыли у дверей перекошенного здания, готовясь ворваться внутрь. Конечно, застать в сарае кого-нибудь из инопланетян они не рассчитывали, но, повинувшись наработанной привычке, не желали оставлять в тылу необследованное помещение. Кивнув друг другу, Шныгин с Кедманом зажгли фонарики, прикрепленные по бокам автоматных стволов. Затем Сергей мощным ударом ноги выбил и без того готовую свалиться дверь, а американец прыгнул вперед, сделал элегантный кувырок через голову и, застыв у дальней стены, обвел тонким лучом света помещение. Как и ожидалось, прищельцев внутри не было. Зато в сарае был толстый боров, беспечно продолжавший спать в углу и не проснувшийся даже от грохота упавшей двери.

– Все чисто, – доложил Кедман. Но Шныгин, проскользнувший в здание следом за американцем, отрицательно качнул головой и указал рукой на сеновал.

– Барсук, Енот, держите окрестности, – почти беззвучно произнес в микрофон рации старшина. – Мы со Слоном по чердаку немного побродим.

Не дожидаясь ответа, Шныгин присел на колено, прикрывая вход на сеновал, а Кедман, пробормотав что-то нечленораздельное по поводу того, что он в скалолазы не записывался, все же пополз наверх, морщась от каждого скрипа старой, разохшейся приставной лестницы. Через десяток секунд после начала подъема, капрал все же решился приподнять голову над перекрытием, а затем и забрался-таки на сеновал. Шныгин с минуту слышал сверху одно лишь шуршание сена, а затем Кедман по рации доложил, что чердак чист.

– Спускайся, – скомандовал старшина и, выскочив из сарая, метнулся к входу в дом. Рядом с ним, с противоположной стороны двери, тут же пристроился Пацук.

– Странно. Я свинью даже берцом пнул, а она все равно не проснулась, – обращаясь к есаулу, одними губами произнес Сергей. – Нечисто тут что-то.

– А у нее сала много будет? – озабоченно поинтересовался украинец. – А то, раз все равно животное не просыпается, возьмем ее в качестве трофея? Воно ж, если долго спать будет, то и вымрет совсем...

Старшина покрутил пальцем у виска, а затем, приказав Пацуку прикрыть, пинком растворил дверь. Единственное, к чему привел этот маневр, было опрокинутое в сенях ведро с водой, которое жутким грохотом оповестило жильцов, что к ним зашли гости. Шныгин поморщился и, недовольно посмотрев на ехидно улыбавшегося Пацука, нырнул внутрь сеней. Украинiec прошмыгнул следом, держа под прицелом вход в горницу. А через пару секунд к ним присоединился и Кедман. Зибцих остался снаружи и, перебравшись к стене дома, прислонился к ней спиной, держа под прицелом весь двор и часть улицы, неподалеку от распахнутых ворот. Американец со старшиной обменялись взглядами, а затем ворвались в жилую часть дома.

– Ох, мать моя женщина! – оповестил всех Шныгин. – Вот это фокус.

Зрелище, открывшееся взорам спецназовцев, было действительно впечатляющим. Прямо за столом горницы сидел на стуле мужчина. Точнее, не сидел, а лежал мордой в вине-грете, безвольно свесив руки вдоль тела. Чуть поодаль от него, около вешалки, на полу лежал мальчишка лет шестнадцати на вид. Он был в валенках и шапки, но без пальто. Видимо, пытался одеться, или, наоборот, раздевался, когда случилось несчастье. У входа в спальню ничком лежала немолодая женщина в ночной сорочке. А дальше, через приоткрытую дверь, Шныгин заметил неподвижного младенца в детской кроватке.

– Все мертвы? – дрогнувшим голосом поинтересовался Пацук. Старшина не ответил. Нагнувшись над мальчишкой, он пощупал у него пульс. Кедман проделал ту же самую операцию с мужчиной за столом. А затем оба спецназовца удивленно переглянулись, поняв друг друга без слов.

– Ни хрена, – наконец, ответил на вопрос есаула Шныгин. – Спят, как мертвые, но все живые. Что тут, блин, е-мое, еври бади, происходит?

– Не отвлекаться! – раздался в наушниках голос Раимова. – Продолжить зачистку.

Дальше группе по деревне можно было двигаться совершенно открыто. Куда бы ни заглядывали спецагенты, везде была одна и та же картина – все до единого живые существа, начиная с кур и кончая, блин, человеком разумным, беспечно спали там, где их настигло воздействие пришельцев. Ну а в том, что повальный беспробудный сон коренного и не очень населения Клюковны – дело рук инопланетян, агенты ничуть не сомневались. А вот самих инопланетных посетителей глухой сибирской деревеньки нигде видно не было. Колхозников и скотины – хоть отбавляй, а вот пришельцев – ни одного!

Через пять минут вся четверка агентов в полном составе собралась за сараем последнего непроверенного дома деревни – покосившегося, со съехавшей на бок крышей и полуоторванными ставнями дворца механизатора Егорова, в огороде которого и приземлилась, по данным Интерпола, инопланетная тарелка. Шныгин с Кедманом высунулись из-за разных углов сарая почти одновременно, проводя рекогносцировку местности. То, что они искали, инопланетный летательный аппарат, то бишь, действительно валялся в огороде, зарывшись боком в непрополотые картофельные грядки. К удивлению бойцов, космический корабль пришельцев не то что салатницей, а даже и десертной тарелкой назвать язык не поворачивался. Так, блюдце какое-то из-под чашки для турецкого кофе. Внимательно всмотревшись в летающую «тарелку», старшина на глазок прикинул ее размеры и для себя решил, что хоть инопланетная техника по размерам и явно будет побольше «Нивы», но до «Газельки» уже никак не дотягивает. И вообще, единственными примечательными деталями этого куска железа были перемигивающиеся огоньки вдоль кромки борта, да открытый люк, из которого лился неяркий синеватый свет.

– Шеф, салатницу нашли. Сельдерея нигде не наблюдается, – пользуясь условным кодом, доложил майору Шныгин.

– Сам вижу, – раздался в наушниках недовольный голос Раимова. – Слушай мою команду! Сейчас пришлю к вам Бобика. Пусть они с Барсуком салатницу караулят. Да так, чтобы из нее ни одно «оливье» не сбежало. Слон с Медведем вламываются в логово тракториста. Енот их прикрывает. Хотя, Еноту в этой ситуации лучше бы быть скунсом. Чтобы с обоих концов выработка шла...

– Шеф, вы о чем? – растерянно поинтересовался Пацук. – Не заговариваетесь, случаем? А то оставьте нас на минутку и сходите к доктору провериться. Воно ж как бывает? Был человек нормальным, а тут – бах! И психиатры уже не помогают.

– Два наряда вне очереди, Барсук! – загромыхал в наушниках голос разгневанного майора. – Остальным задача ясна?

– Так точно, – ответил за всех Зибцих. – Вас понял прекрасно. Постараюсь держать в поле зрения максимально большой периметр.

– Слава Аллаху, что среди этого стада идиотов хоть один разумный зверь есть, – буркнул Раимов, кажется, волнующийся больше своих подчиненных. – Вперед, ребята! На вас вся планета смотрит.

Маловероятно было, что за действиями агентов наблюдала вся планета. Если, конечно, с их видеокамер трансляция по центральному телевидению не велась, что маловероятно. Еще существовала небольшая вероятность того, что майора можно было отождествить со всем человечеством. Что тоже считалось невозможным, поскольку полномочий таких руководителю проекта формально никто не давал. В общем, то, что делали бойцы, никто, кроме Раимова, не видел. А стоило бы посмотреть, поскольку сработали ребята блестяще. Танк подъехал к летающей «тарелке» и нагло засунул в люк ствол своего башенного орудия. Пацук, укрывшись за

гусеницей, помог боевой машине с блокированием выхода из летательного аппарата, взяв под прицел маленькую щелку, что осталась между бортом танка и краем открытого люка.

А Кедман со Шныгиным, переглянувшись друг с другом, привычным жестом высадили дверь дома Егорова и, на всякий пожарный, одну за другой швырнули внутрь здания шесть штук гранат со слезоточивым газом. Выждав пару секунд, спецназовцы нырнули в проем и взялись за зачистку дома. К их вящему удивлению, пришельцев и там не оказалось. Зато отыскался механизатор Егоров – хоть и привязанный к стулу какой-то неизвестной субстанцией, но живой, здоровый и, к тому же, в стельку пьяный. Окинув агентов мутным взором, он что-то нечленораздельно промычал. Шныгин осторожно подошел к старику и выдернул у него изо рта плотный кляп.

– Ну, бляха-муха, утомили вы меня все! – гневно заявил мужичонка. – Что нонче за белая горячка странная пошла? Раньше все чин по чину. Черти зеленые и никаких отклонений. А таперича что?.. Спервой недомерок какой-то. Маленький, голый и серый. Чего хотел, хрен разберет. Привязал меня к стулу, дурак, и давай моей же самогонкой поить. Будто я ее сам пить не могу!.. Вы вот, опять же, откедова такие? У нас, в России таких, как у вас, морд страшных не водится. Значит, не наша вы белая горячка...

– Где сейчас этот твой гость? – поинтересовался Шныгин, пытаясь разрезать ножом путы, связывающие старика. Кедман тем временем крутился волчком, стараясь держать под прицелом все входы в комнату.

– А я почему знаю? – удивился старик. – Вы вон, хоть и к неправильному типу белой горячки относитесь, но по-нашенски все-таки разговариваете. А ентот хрен чирикал, словно воробей. Тыкал, тыкал мне в зубы бутылкой самогонки, а затем на кухню ушел и не вернулся. Может, и вы так сделаете?.. А то утомила меня такая белая горячка.

Шныгин оставил тщетные попытки отвязать Егорова от стула и, обменявшись с Кедманом условными знаками, метнулся к той двери, в сторону которой кивал головой механизатор. Дождавшись, пока американец займет позицию, старшина влетел на кухню, перекувыркнувшись через голову и прижимаясь спиной к глухой дальней стене. Да так неудачно прижался, что полка с обычной посудой, державшаяся на одном гвозде, мгновенно превратилась в рой летающих тарелок, с грохотом обрушившихся на шлем старшины. А все от того, что еще в полете Шныгин успел увидеть пришельца и от неожиданности подрастерял часть координации движений. Старик из гостинной заорал, что посуду бить в его доме даже «белой горячке» не разрешается, но оба спецназовца его не слушали, удивленно уставившись на инопланетянина. Тот, как и описывал механизатор Егоров, оказался маленького роста, с серой кожей и полным отсутствием каких-либо половых признаков. Голова пришельца была явно позаимствована у какого-то не местного рахита, причем, судя по размерам глаз, к тому же страдавшего крайней степенью близорукости. Росту инопланетянин был не более метра пятидесяти. Когда-то, вероятно, ходил на двух конечностях, но сейчас точно определить это не представлялось возможным, поскольку пришелец лежал на полу в обнимку с десятилитровой бутылкой самогонки и был мертвецки пьян.

– Шеф, что делать? – задал исконно русский вопрос Шныгин.

– Берите его, пока он тепленький и не сопротивляется, – распорядился майор. – Самолет я уже поднял. Через минуту он будет над вами. Тарелку внутрь затащите лебедкой, а этого уродца суньте в специальный контейнер, что вдоль бортов закреплены. И живей работайте. Не дай бог, урод в себя придет... Бегом марш, я сказал!

– Ох, тяжела солдатская служба, – театрално вздохнул Сергей и, взвалив пришельца на плечо, бросился на улицу. Кедман выскочил следом. Механизатор Егоров облегченно вздохнул, глядя вслед сбежавшим элементам «белой горячки», и лишь к утру сообразил, почему со стула никак встать не может. Но это, как говорится, совсем другая история...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Земля. Место действия: то тут, то там, но в основном еще никому не надоевший бункер. Год тот же, что и раньше, поскольку новый почему-то наступит только первого января. Осень. Если точнее, то «бабье лето». А если уж быть совсем точным, то еще и на часы надо смотреть. А там, блин, уже утро...

Пришелец скребся то о стенки, то о крышку экранированного свинцом контейнера, снабженного автономной атмосферой. Скребки получались какие-то жалобные, и Шныгин, косясь краем глаза на ларчик с добычей, горестно вздыхал. Особо тяжкими эти вздохи получались, когда старшина словно наяву представлял, что это не мелкого уродца, а его самого запаковали в ящик. Причем, не после тяжелой и продолжительной болезни, а в самом разгаре похмелья. А эта тварь в контейнере, хоть, конечно, и «уфик», как окрестил пришельцев языкастый Пацук, хоть и прямая угроза безопасности Земли, хоть и является тем самым навозом межзвездной цивилизации, который им, «икс-ассенизаторам» выгребать надлежит, но все же неизвестно, догадался ли пришелец хотя бы сообразить, какая именно трубка внутри поможет от «сушняка» избавиться.

– Товарищ майор, может быть, дадим уродцу опохмелиться? – забыв, что находится в строю, предложил старшина. Раимов, до этого в пространственной речи превознося доблесть и героизм своих подчиненных во время первого задания, поперхнулся.

– Так, Шныгин, на первый раз прощаю. Впоследствии за такие предложения буду жестко карать, – строгим отеческим тоном проговорил майор. – Ты мне тут свои барские замашки брось. Вон, на помойке с бомжом меценатствовать будешь. А тут, тем более в присутствии врага всей человеческой цивилизации, нюни распускать я никому не позволю, – Раимов повысил голос. – Не забывайте, бойцы, что эта тварь, с виду такая безобидная, всю деревню в сон погрузила. Да еще и так, что на месте происшествия уже три часа всякие ученые, экстрасенсы и прочие бездельники крутятся, а даже распоследнее куриное яйцо разбудить не смогли. Еще неизвестно, как на мирных жителях последствия воздействия инопланетной технологии откликнутся, а вы мне тут оккупантов жалеете! Никакой пощады врагу. Ясно вам?

– Так точно! – рывкнули в один голос дисциплинированные Зибцих и Кедман, а Шныгин только плечами пожал.

– С похмелья напиток даже в вытрезвителе дают, еври бади, – вздохнул он. – Этот лох, конечно, враг, но не по-скотски же с ним обращаться?! Так мы можем до того докатиться, что заставим пришельцев грязные портянки нюхать.

– Р-р-разговорчики в строю! – взревел майор, переходя на максимальный уровень децибел. – Отставить мне тут бабские нюни. Зибцих, Пацук, транспортируйте контейнер с плененным оккупантом в лабораторию к доктору Гобе. Остальным разойтись... Да! И еще. Благодарю за службу!

В ответ на благодарность, первое слово ответной фразы – «служу» – все четверо бойцов рывкнули одновременно и так слаженно, будто всю жизнь орать на командира квартетом репетировали. А вот дальше вышло некрасиво. Мало того, что каждый агент заявил, что служит одной отдельно взятой стране, так еще и все четверо переорать друг друга попытались. И затихли только после третьей попытки, когда осознали, что глотки драть все до единого в равной степени умеют. Майор прочистил пальцами уши и расстроено причмокнул языком.

– Н-да, – протянул он. – Не по-военному у нас получается. Нужно что-нибудь общее придумать. Например, «служу Земле»!

– Да что же я, могильщик, что ли, такие лозунги орать?! – оскорбился Пацук. – Это они земле служат, всякую гадость внутрь ее пихают. А у нормального человека воно ж как принято? Не он земле служит, а земля ему, – есаул покосился на Шныгина. – Репу, например, на корм свиньям дает...

– Ты мне тут философские дискуссии не разводи, демагог жевто-блакитный, – рявкнул на есаула майор. – Не нравится «служу Земле», умнее что-нибудь предложи.

– Да тут и предлагать нечего. И так все ясно, – заявил Шныгин. – Мы хоть, блин, и Землю спасаем, а все равно о своей стране в первую очередь думаем...

– А он не демагог?! – перебил старшину Пацук, но тут же заткнулся под строгим взглядом майора. А Шныгин продолжил, совершенно не обратив на реплику украинца никакого внимания:

– ...Вот и нужно нам в ответ на благодарность кричать «служу отечеству». Что, разве я не прав, в натуре?

Возражений на это предложение не последовало, и майор официально утвердил новую формулу ответа на благодарственную речь начальства. Ну а поскольку и «разбор полетов» был закончен вынесением благодарности личному составу, то бойцы смогли, наконец, вернуться в кубрик. Шныгин тут же завалился спать, Кедман снял китель и поплелся в комнату отдыха смотреть баскетбол по спутниковому телевидению, а Зибцих, растерянно окинув взглядом кубрик, подошел к Пацуку.

– Микола, порядок бы не мешает вокруг навести, – предложил немец. Украинец оторопел.

– Ты что, «духа» нашел? – Пацук, сидя на кровати, удивленно посмотрел на Зибциха снизу вверх, пытаясь решить, уже можно с немцем ругаться или нужно еще подождать, пока тот парочку лишних слов скажет. В итоге Микола выбрал второе, но немец его разочаровал.

– Да при чем тут «дух»? – отмахнулся от украинца Зибцих, который перед отправкой на секретную базу прошел специальный курс молодого бойца в Задрыпинской отдельной дорожно-строительной роте и теперь, даже со своим немецким менталитетом, прекрасно понимал, о чем Пацук говорит. – Я же не прошу, чтобы ты все расположение убирал. У себя на тумбочке и около койки порядок навести можно? А то смотреть противно. Вон, фантики какие-то у кровати валяются. На тумбочке такой бардак, будто три свиньи банкет с дискотекой устраивали и до тех пор плясали, пока у них шкура вместе с салом отлетать не начала...

Шныгин, не успевший еще уснуть, повернулся на своей койке в сторону спорщиков и после пространной тирады Зибциха заржал, как орловский рысак на свадьбе быка в тамбовском коровнике. Пацук сердито посмотрел на него, затем перевел взгляд на немца, хлопающего невинными глазками. Пару секунд есаул тихо шипел, наливаясь злобой, а затем вдруг понял, что Зибцих его не оскорбил ничем, ровным счетом. Ну а то, что Шныгин смеется – так это от врожденного скудоумия и натренированной в спецназе склонностью к глупым шуткам. Удовлетворившись такими умозаключениями, Микола презрительно фыркнул и откинулся на подушку, заложив руки за голову и уставившись в потолок.

– Слушай, Гансик, тебя бардак на моей тумбочке каким боком касается? – полюбопытствовал Пацук у немца.

– Просто люблю, когда вокруг чистота и порядок, – спокойно ответил тот, пожав плечами.

– Ну а раз любишь, так бери и сам все убирай! – безапелляционно заявил есаул и закрыл глаза, давая понять Зибциху, что разговор окончен.

К удивлению Пацука, немец ни спорить с ним, ни настаивать на своем мнении по поводу общего порядка не стал. Лежа с закрытыми глазами, Микола сначала услышал удаляющиеся шаги Ганса, затем какой-то странный шорох в углу. Секунду-другую Зибцих продолжал чем-то шуршать, а потом Пацук услышал, как тот возвращается к его кровати. Ожидая какого-нибудь подвоха, Микола напрягся, но открывать глаза категорически отказался. Пацук при-

готовился к любым неожиданностям со стороны немца, но того, что украинец увидел, когда потерял терпение и открыл глаза, ожидать от нормального спецназовца было просто нельзя: Зибцих добровольно, без принуждения, принялся подметать полы у кровати Пацука и сгреб с его тумбочки мусор в пластмассовое ведро.

– Ты чего, Ганс, с дуба рухнул? – поинтересовался у немца Шныгин, который ничуть не меньше есаула был поражен увиденным. – Тебе на хрена это надо?

– Во всем должны быть порядок и чистота, – рассудительно ответил немец. – Именно с них начинается путь к самопониманию, самоконтролю и саморазвитию. Вы, славяне, привыкли везде устраивать бардак. А там, где нет порядка и чистоты, никогда не будет высокоразвитой цивилизации.

– Во-во, – кивнул головой Шныгин. – Тетя Маша, уборщица в офицерском общежитии, примерно так всегда и говорила.

– Значит, умная женщина была, – кивнув головой, проговорил Зибцих и, прищурив глаза, осмотрев поверхность тумбочки Пацука, рукавом смахнул с нее одному ему видимые пылинки. – И я надеюсь, что когда-нибудь приучу вас мыслить такими же критериями.

– Размечталась, тетя Маша! – фыркнул Пацук и старшина снова заржал. Ну, хорошее настроение у него сегодня!

– Ну что, Ганс, теперь и тебя можно поздравить с боевым крещением, – проговорил Сергей, приподнимаясь на локте. – У всех прозвища были, один ты у нас некрещеный ходил. Ну а теперь можешь считать себя полноправным членом коллектива...

– Подожди-ка! – оторопело возмутился Пацук. – Это как это, у всех клички были. Это яка ж у меня обзывалка была?

– Здравствуйте, я ваша тетя, – фыркнул старшина. – Сало, ты и есть сало!

– Ну, репа, я тебе припомню, – обиженно пообещал Пацук. И тут наступила очередь Зибциха хохотать.

– Эх, ребята, ну и тяжело же с вами всем будет, – проговорил Ганс, когда сумел, наконец, перевести дух. – Всеми внутренностями чувствую, что ни одного меня вы в ближайшее время насмешите, – и пошел вешать китель Кедмана в шкаф.

Наведя порядок в кубрике, Зибцих оставил наедине с собственной задумчивостью братьев-славян и отправился в душ. Вернулся назад он через полчаса, а до него в кубрик пришел Кедман. Несчастному негру никак не удалось настроить телевизор на прямую трансляцию баскетбольного матча НБА, и Джон выглядел крайне расстроенным. Не обнаружив на прежнем месте своего кителя, американец попытался устроить истерику с выдуванием трелей из свистка, но когда услышал историю о новых пристрастиях Зибциха и обнаружил недостающую часть верхней одежды у себя в шкафу, сразу успокоился и, завалившись на кровать, мгновенно уснул. Следом за ним захрапел и Шныгин. Да и Микола недолго продержался. Убаюканный сочными руладами с обеих сторон, украинец заснул, и возвращения Зибциха в кубрик уже не видел никто...

Майор дал отдохнуть своим подчиненным ровно столько, сколько им полагалось по уставу. То бишь, ровно три часа, которые недоспали бойцы во время тревоги. Ну а потом, проорав в микрофон «рота, подъем!» принялся с явным удовлетворением наблюдать, как невыспавшиеся бойцы пытаются раздраить очи и понять, где именно они в данный момент находятся. Первым это удалось Зибциху, а Шныгин с Пацуком вновь оказались замыкающими. Причем, неизвестно от чего, но Раимову показалось, будто эти два лентяя еще и соревнуются в том, кто из них окажется максимально медлительным. В этот раз, на свою голову, последним умудрился стать Пацук.

– Так, агент, два наряда у тебя уже есть, можешь прибавить к ним еще парочку, – ехидным голосом поставил украинца в известность майор. – Пока можешь просто радоваться, а когда я

придумаю, где именно эти наряды ты будешь отбивать, сможешь испытать настоящий оргазм. Уж я об этом позабочусь!..

– Ой, да вы не переживайте так, товарищ майор, – театрально махнул рукой в сторону камеры наблюдения Пацук. – Я юноша традиционной ориентации и отношений типа мальчик-мальчик не люблю. Так что, не стоит вам напрягаться. А то воно ж как бывает? Напрягаешься, напрягаешься, а затем трещины в области заднего прохода появляются...

– Вот я тебя, стервец, так сейчас напрягу, что у тебя трещины через весь организм пролягут. Сверху донизу! – рявкнул Раимов по внутренней связи. – Еще два... Нет, три наряда вне очереди тебе, агент Пацук!.. А сейчас вернули всем свои довольные морды в надлежащее уставу состояние и помчались в тир. Дверь находится за оружейной комнатой. Это я тем дебилам говорю, которые читать еще не умеют.

Тир в подземном бункере больше напоминал поле для игры в пейнт-болл, чем привычное взгляду узкое помещение с мишенями на одном конце и вооруженными идиотами – в другом. Вся четверка спецагентов в полном составе удивлено застыла, рассматривая новый зал для стрелковых упражнений. А с облегчением бойцы вздохнули только тогда, когда проныра-Пацук отыскал-таки нормальную стойку с приличными грудными мишенями.

– Вот-вот, отсюда и начнем занятия, – прогрохотал в динамиках голос майора. – Марш в оружейную! Берете свои «Уфо» и пристреливайте их до тех пор, пока стволы плавиться не начнут...

Как и положено спецназовцам, все четверо оружие любили не меньше, чем женщин. Поэтому Раимову свой приказ повторять второй раз не пришлось. Здоровые оболтусы, получив возможность поныряться с автоматами и испытать их в деле, с радостным воплем бросились в оружейную комнату, сметая все на своем пути. Ну а больше всего снова пострадала дверь, которую Кедман выбил плечом просто потому, что забыл, в какую сторону она открывается. В ответ на такое халатное отношение к государственному, можно сказать, даже межпланетному имуществу Раимов разразился очередным шедевром трехэтажной матерщины. Правда, в этот раз прошелся майор по родословной строителей бункера, которые ни одну дверь достаточно крепкой сделать не смогли. Заслушавшись майора, Зибчих на пару секунд застыл в дверях. А когда пришел в себя, то лишь с огромным трудом смог удержать внутренний позыв к наведению порядка в полуразрушенном тренажерном зале. С горестным вздохом осмотрев следы нашествия славяно-американской орды, ефрейтор покачал головой и бросился в оружейную, чтобы не опоздать к раздаче подарков.

Следующий час бойцы только и делали, что дырявили, решетили, испепеляли, раздирали в клам и отправляли в утиль грудные и ростовые мишени предполагаемых врагов. Ну а поскольку до сего момента ни одного документально подтвержденного факта присутствия на Земле пришельцев в распоряжении завода-изготовителя мишеней не было, то и свою продукцию они выполнили в традиционной, можно даже сказать, классической манере. То бишь, каждая из мишеней представляла из себя обычную человеческую фигуру. Ну а для того, чтобы бойцы не забывали, в кого именно они должны стрелять, Раимов загодя написал на мишенях краткое и емкое указание: «враг». А затем чуть-чуть подумал, что для майоров обычно не свойственно, и решил более конкретизировать задачу, приписав под «врагом» слово «пришелец».

Когда же автоматы, наконец, были пристреляны, Раимов погнал всю четверку в зал для пейнт-болла. Там майор разбил соратников по парам, выдал им необходимое для игры снаряжение, начиная от защитных шлемов, кончая неограниченными запасами разноцветных шариков с краской, и заставил отрабатывать всевозможные боевые ситуации, которые только могли прийти в его командирский ум.

Вот так и получилось, что сначала Шныгин с Пацуком пытались выбить американца с немцем из дота. Затем Кедман со старшиной старались незаметно проникнуть на объект, охраняемый оставшимися членами четверки... В общем, вариантов действий была масса, а закон-

чилась эта феерическая игра командирской мысли тем, что все четверо принялись ловить в тренировочном зале танк, имея задачу непременно захватить его живьем. Бронированный агент по кличке Бобик, конечно, по своим оппонентам стрелять не мог, но вот махать манипуляторами ему запретить никто не додумался. Результатом этих действий стало то, что танк разбил Пацуку нос, и обидевшийся украинец, пока Кедман со Шныгиным удерживали Бобика, забрался на броню и, ловко вскрыв панель управления, закоротил сенсорные цепи. Танк взвыл сервомоторами и встал, беспомощно вращая башней из стороны в сторону.

– Вот так тебе, вражина, – довольно проворчал Микола, спрыгивая с брони на землю. – Будешь знать, жестянка самоходная, на кого клешнями своими махать не следует, и чего надо делать, а чего никогда! А то воно ж как бывает? Залезет мужик с пьяни да в темноте на бабу, а утром глядь, а это его жена!..

– Агент Пацук, еще два наряда вне очереди! – рявкнул Раимов по внутренней связи.

– За что, товарищ майор?! – завопил в ответ оскорбленный есаул.

– За порчу казенного имущества, – отрезал Раимов.

– Товарищ майор, так вы же сами отдали приказ захватить танк живым, – неожиданно вступился за украинца старшина. – Вот агент Пацук и выполнил поставленную задачу. Сами смотрите, танк функционирует, но двигаться не может! Разве не это вы нам приказали сделать?

– Так не таким же способом!.. – возмутился было майор, а затем горестно вздохнул. – Ладно, Пацук, вместо нарядов объявляю тебе благодарность. А с Харакири я сам разберусь, почему это любой, первый попавшийся специалист по проникновению на объекты, его защиту так легко взламывает.

– Спасибо, конечно, но я свои проблемы и без вмешательства москалей могу решить, – обращаясь к Шныгину, пробурчал Микола, едва голос Раимова в динамиках затих. Сергей в ответ лишь фыркнул и пожал плечами. Дескать, а не ради тебя и старались. Просто вопли майора слышать не хотелось!..

Следующим номером в программе обучения агентов была спецподготовка. Проходила она в актовом зале, куда вся четверка и отправилась с полигона. Сегодня зал был пуст, если, конечно, не считать присутствия профессора Зубова. Взлохмаченный гений по-прежнему занимал место в президиуме, и у Шныгина сложилось стойкое впечатление, что Зубов так со вчерашнего дня из-за стола и не вылезал. Видимо, профессору забыли сказать, что можно уходить, а он сам, поглощенный в свои сугубо научные мысли, об этом так и не догадался.

– Проходите, дети. Занимайте свои места, – бросив в сторону спецназовцев лишь мимолетный взгляд, предложил Зубов. – Что у нас сейчас по расписанию? Грамматика?

– Нет, блин, чистописание, – буркнул Пацук и посмотрел на сослуживцев. – У этого пен-тюха крыша, никак, едет? Воно ж как у профессоров бывает? Думает, думает себе, а потом бац... И думать нечем!

– Как это нечем? – удивленно поинтересовался Зибцих, не понявший тонкого юмора украинца. Микола открыл было рот, чтобы прокомментировать на весь актовый зал процесс функционирования головного мозга немца, но сделать этого не успел.

– Сэр. Разрешите вопрос, сэр? – вытянувшись в струнку, заорал Кедман так, что у всех остальных едва уши не заложило.

– Все зависит от того, какой именно вопрос следует разрешить. Вы, видимо, уже знаете, что во вселенной существует масса неразрешимых вопросов. К таковым, например, следует отнести доказательство теоремы Ферма, – пробормотал Зубов, а затем только соизволил посмотреть на спецназовцев. И оторопел. – Вы кто?! А-а, да. Конечно!.. А почему я, интересно, решил, что сегодня провожу урок в начальных классах Задубеевской средней школы номер два?.. Кто-нибудь может мне на это ответить?

– Никак нет, сэр! – рявкнул в ответ Кедман в то время, когда Пацук, отвернувшись от профессора, крутил пальцем у виска Зибциха. – Так, вопрос разрешите, сэр?

– То есть, ты хочешь поставить передо мной какую-то задачу с неизвестным пока условием и требуешь, чтобы я ее разрешил? – поинтересовался Зубов и, вскочив со стула, взял в руки мелок и подбежал к обычной грифельной доске. – Каковы условия?..

Кедман оторопел. Ему из-за тягот и лишений американской воинской службы, как еще не доводилось встречаться с профессорами. Ни с обычными, ни с полоумными. Именно поэтому экс-капрал «морских котиков» абсолютно не понял реакции Зубова на обычный, казалось бы, вопрос. Шныгину, конечно, тоже с профессорами сталкиваться не приходилось, но зато он иногда книжки читал. Поэтому и вмешался в неудавшийся диалог американца с Зубовым.

– Вы не так его поняли, – проговорил старшина, обращаясь к профессору. – Никаких условий не будет, а агент Кедман просто хочет задать вам вопрос.

– А почему он сам этого не скажет? – удивленно завопил Зубов, принявшись размахивать руками. – Разве он по-русски говорить не умеет? Тогда я могу по-английски с ним обращаться. Хау ду ю ду?..

– Никак нет, сэр!.. – рявкнул Кедман и осекся. – То есть, здоровья желаю, сэр. А никак нет я сказал потому... – негр задумчиво потер коротко остриженную голову. – В общем, я забыл, что именно хотел сказать. Вопросов нет, сэр. И я думаю, что больше и не будет.

– Тогда не понимаю, почему вы, солдат, отрываете меня от важного дела?! У меня через пять минут защита диссертации в Лондонской академии наук... – завопил профессор и тут же заткнулся. – Кажется, я что-то снова перепутал. Вы на занятия пришли? Так проходите и садитесь.

– Воно ж не профессор, а стоматолог какой-то, – буркнул Пацук, выполняя распоряжение Зубова.

– Это почему? – поинтересовался у украинца Зибчих, которого почему-то после полигона неудержимо потянуло к знаниям.

– А потому, что от него челюсти сводит, как от наркоза, – пояснил есаул. – И язык совсем во рту болтаться не желает.

– По тебе этого не скажешь, – буркнул в ответ Шныгин и раньше других занял место в первом ряду.

Неизвестно от чего, наверное, под впечатлением от взаимно познавательного диалога с Кедманом, Зубов, вместо того, чтобы начать занятия в присущей ему манере – то есть, не обращая внимания на слушателей, сначала дождался, пока четверка агентов усядется на места и лишь потом подскочил к стенду с наглядными пособиями. Отдернув занавеску, профессор представил на суд зрителей плакат с изображением пришельца, пойманного утром спецназовцами. Впрочем, изображением инопланетянина данное учебное пособие назвать можно было лишь с большой натяжкой. Например, если бы Зубов решил показать этот плакатик самому пришельцу из космоса, тот ни за что не догадался бы, кто именно на нем изображен.

– Ознакомьтесь, пожалуйста, с недавно открытым видом инопланетных существ, – размахивая руками, начал лекцию Зубов. – Данный вид встречается людям впервые и толком классифицировать его не удалось. Известно лишь то, что с большой долей вероятности можно предположить, будто у этого типа пришельцев тяжелая форма отравления алкоголем и классический похмельный синдром являются естественным состоянием организма. Правда, вполне возможно, что после насильственного отрезвления о пришельце может быть вынесено совершенно противоположное суждение...

– Блин, не удивительно, что инопланетяне с нами воюют, – прошептал Шныгин и, наткнувшись на вопросительный взгляд Кедмана, пояснил: – Если бы меня какая-нибудь сволочь насильно отрезвила, я бы тоже с ней воевать начал.

– К сожалению, мне нечего больше сказать о пришельце, – ничуть не обратив внимания на шепот в рядах слушателей, продолжил лекцию профессор. – Может быть, у доктора Гобе к вечеру появится какая-нибудь новая информация, а пока мы даже не знаем, как этот вид

инопланетян следует называть. Впрочем, скорее всего, пришельцу будет присвоено имя первооткрывателя. То есть, мое! Зубастикус сапиенс. Звучит?..

– Не звучит! – уже вслух возмутился Шныгин. – Как это вы его первым открыли? Это я его первым нашел, а мы с агентами пришельца к вам и доставили.

– А чего ты возмущаешься? – хмыкнул Пацук. – Воно ж у профессоров как бывает? Нормальные люди всякие чудеса открывают, а профессорам потом Нобелевские премии дают.

– А вот это не существенно и к нашей теме отношения не имеет! – взвился Зубов, махав руками еще сильнее, хоть минуту назад казалось, что такое просто невозможно. – Вопрос с пришельцем на данный момент будем считать закрытым. Может быть, когда доктору Гобе удастся понять чирикание инопланетянина, пришелец сам нам скажет, каково название его вида. А сейчас мы перейдем к изучению снаряжения пришельцев и их экипировке...

Как и предыдущая часть лекции, рассказ о технике инопланетян у профессора Зубова получился крайне оригинальным. Сначала он продемонстрировал слушателям, постепенно начинающим зевать от тоски смертной, плакат с изображением захваченной ими же «летающей тарелки». Затем оповестил спецназовцев о том, что единственным оборудованием инопланетного корабля, назначение которого удалось определить с вероятностью выше одного процента, является топливный отсек. После чего радостно добавил, что науке неизвестно то вещество, которое используют пришельцы в качестве горючего. Ну а напоследок углубился в пересказ собственной, недавно созданной теории о том, какова вероятность того, что двигатели на корабле инопланетян работают по принципу антигравитации. Причем, настолько углубился, что под конец речи совершенно позабыл о необходимости издавать хоть какие-нибудь звуки во время лекции, а не просто чертить на доске абсолютно бессмысленные, с точки зрения спецназовцев, формулы.

– Есть хочу! – перекрывая шорох мела по доске, долгое время бывшего единственным звуком, нарушавшим погребальную тишину актового зала, раздался вдруг чей-то громкий голос. Профессор вздрогнул и с выражением безмерного удивления на лице повернулся в сторону аудитории.

– Ну, знаете, господа, это уже слишком! – возмутился он. – Я с вами о возвышенном, о тайнах вселенной, можно сказать, а вы мне о жратве. Стыд и совесть у кого-нибудь есть?..

– Есть! У меня есть. Но похоже, только у меня одного эти качества и водятся, – раздался из динамиков гневный голос Раимова. – Пацук, еще три наряда вне очереди!

– Да за что, товарищ майор?! – возмутился украинец. – Я орал, что ли?

– А кто еще? – с полной уверенностью в собственной правоте поинтересовался начальник базы. – Шныгина, Кедмана и Зибциха я на мониторах отлично вижу. Один ты все время морду воротить. К тому же, один ты на объект сало привез.

– А сало-то тут при чем?! – Пацук просто кипел от возмущения.

– Так, мать твою послом в Зимбабве!.. Агент Пацук, у нас тут воинское подразделение или телепередача «Что? Где? Когда?» – истошно завопил Раимов. – Я тебе параграфы из устава объяснять, что ли, буду? Еще два наряда вне очереди.

– Есть два наряда, товарищ майор, – обречено согласился Пацук, намеренно не упомянув то взыскание, которое получил за минуту до этого. А затем покосился на сослуживцев. – Ой, лучше бы мне никогда не узнать, кто из вас орал. А то оно ж как бывает? Ляжет человек спать, а проснется совсем не в том месте. В гробу, например...

После этого происшествия лекция профессора вновь вернулась в старое, давно пересохшее русло. Нечленораздельно пробормотав какую-то загадочную фразу о биполярных отражателях, Зубов вновь надолго замолчал, продолжив нанесение на доску неведомых остальному миру иероглифов. Через пять минут, глядя на это безобразие, Кедман откровенно начал клевать носом, Пацук и вовсе принялся храпеть без зазрения совести, а старшина изо всех сил пытался не дать глазам слипаться. И лишь один Зибцих стойко сохранял строго вертикальное

положение торса и даже ни разу не зевнул. Сергей подивился стойкости немца, но поскольку сам со сном справлялся из последних сил, решил не нарываться на возможные санкции со стороны всевидящего майора и вмешался в учебный процесс:

– Товарищ профессор, все, что вы написали, наверное, безумно интересно. Но нас как борцов с нашествием интересует в первую очередь практическая польза ваших исследований, – и толкнул Зибциха в бок. – Во, блин, е-мое! Могу нормально говорить, когда хочу, еври бади?!

Ганс вздрогнул и удивленно посмотрел на старшину. Шныгин ответил взаимно непонимающим взглядом и, лишь увидев пробуждающиеся искорки сознания в глазах немца, сообразил, что тот давным-давно спал. Причем, умудрялся это делать с прямой спиной и открытыми глазами. Осознание этого факта дало старшине повод во второй раз удивиться тренированности Зибциха. Что Шныгин и сделал. Профессор тоже удивился. Но поскольку Зубов о феноменальных способностях ефрейтора ничего не знал, то и удивился он не умению Ганса спать с открытыми глазами, а тому, что рядом с ним кто-то есть.

– Вы что здесь делаете?! – завопил профессор, добавив к размахиванию руками еще и мотание головой. – Какого дьявола всякие идиоты постоянно мешают мне работать? Кто, вообще, эту банду головорезов в мою лабораторию пустил?..

Уже не чаявшие еще хоть раз в жизни услышать голос Зубова, Кедман с Пацуком были настолько ошарашены воплями профессора, что даже проснулись без команды. Причем, оба вскочили со своих мест, вытянувшись по стойке «смирно». Хитрый украинец тут же сообразил, что попался на уловку, подобную той, которую используют преподаватели в военных училищах, когда выкрикивают на лекциях приказ: «те, кто спит, встать!» Естественно, семи пядей во лбу Пацуку не требовалось для того, чтобы понять, сколько лишних нарядов за такое пренебрежение к знаниям он от Раимова получить может. Поэтому Микола, вместо того чтобы стоять, как истукан с острова Пасхи, коего в данный момент символизировал Кедман, истошно завопил:

– Так точно, товарищ профессор, мы хотим узнать от вас все, что вам известно об оружии пришельцев!

– Почему он орет? – неизвестно у кого поинтересовался Зубов, а затем закричал сам:

– Какое оружие? Какие пришельцы? Мы находимся в серьезном научном заведении, а не в какой-нибудь лавке замороженного «уфолога». И вообще, спрашиваю в последний раз, кто вас сюда пустил? – и тут же осекся. – Правильно. Я вас сам сюда и пустил. У вас тут как бы занятия. Вот и хорошо! Теперь кто мне скажет, что написано на доске? – ответом Зубову было гробовое молчание. – Ну и правильно. Я и сам ни фига этого не знаю... Ладно, разберем варианты ответа на мой вопрос на следующей лекции. Дома вы должны будете составить доклад о дестабилизации кислотно-щелочного баланса во рту в случае тщательного пережевывания пищи. Все. Можете быть свободны.

– Из какой психушки его вытащили? – поинтересовался у сослуживцев Пацук, кивнув головой в сторону профессора.

– Из Российской академии наук, – ответил всезнающий Зибцих, и все остальные понимающе закивали глазами. Дескать, ну тогда нам все ясно!..

В кубрик вся четверка возвращалась молча. Микола подозрительно косился на сослуживцев, пытаясь понять, кто из них, заорав на лекции, подложил ему свинью, в данной своей ипостаси напрочь утратившую статус всеукраинской любимицы. Тщательно взвесив все «за» и «против», Пацук пришел к выводу, что на такую гадость способен только один человек. Зибциха Микола отмел сразу, поскольку был уверен, что педантичный немец без приказа сверху был лишь на самостоятельную уборку в помещении способен. Негр тоже на роль свиноподкладывателя не годился. Хоть Пацук и не любил американца, но твердо знал, что у них в армии учиться не принято. Да и в войска попадают исключительно те люди, которые из всех школьных предметов проходили только первый и последний звонок. Следовательно, Кедману на занятиях

присутствовать не доводилось, а значит и придумать то, что во время лекции можно сделать какую-то гадость, он просто не мог. Оставался только Шныгин. Вот на него-то и начал Микола точить свой правый клык!.. Ну а с напильником во рту разговаривать было несподручно. Вот украинец и молчал.

У остальных агентов для сохранения тишины были свои причины. Шныгин к болтунам не относился. Разве что после литра водки. Да и тогда относился крайне отрицательно. Кедман, не знавший практического применения всем словам, не считающимся частью армейских команд и баскетбольных терминов, может быть, и хотел что-то сказать, да на ум ему ничего, кроме любимой кричалки капралов — «левой, левой, раз, два, три» — не приходило. Ну а умный Зибцих изо всех сил пытался понять, какова же была цель только что прошедших спецзанятий, если никаких новых спецзнаний от спецпрофессора они не получили. Ганс даже хотел спросить об этом своих боевых товарищей, но решив, что вразумительного ответа, кроме «хрен его знает», получить не удастся, оставил свой вопрос про запас. До следующей лекции.

– Товарищ майор, какие извращения у нас еще на сегодня запланированы? – вытянувшись в струнку перед видеокамерой наблюдения, первым делом поинтересовался Пацук, едва оказался внутри кубрика.

Камера в ответ сердито мигнула светодиодом и, издав ехидное жужжание, отвернулась в угол. Видимо, Раимова за сегодняшний день украинец настолько достал, что у майора уже сил никаких не было даже для того, чтобы наблюдать на экране монитора гладко выбритую голову Пацука с оселедцем на макушке. Микола довольно ухмыльнулся и попытался заглянуть в глазок видеокамеры.

– Так что, товарищ майор? Будут на сегодня еще какие-нибудь приказания? – нацепив на лицо подобострастное выражение, не унимался Пацук. – Вы там тоскуете, небось, в одиночестве? Может быть, песню вам спеть? Украинскую?! – и завыл самым отвратительным голосом, какой только можно было отыскать на Украине:

– Ой, у вишневого садочку, де соловейко щебетав...

– Молчать, агент Пацук! – не выдержав пытки фольклором, завопил в динамики майор.

– Что, не нравится? – откровенно удивился Микола и тут же оскалился. – А вот буду петь, товарищ майор! Тут, между прочим, наше личное помещение и вести постоянное наблюдение и подслушивание вы прав никаких не имеете. В конце концов, мы не в зоне находимся, а на контрактной службе. Так что, не хотите песни слушать и мою гарну внешность наблюдать, так выключайте на хрен ваши гляделки и слухалки!..

– Так они же в кубрике исключительно для вашей безопасности поставлены, – попытался объяснить Раимов. – Я же должен буду меры принять, если к вам туда пришельцы ворвутся...

– А как они сюда попадут, кроме как через центральный вход? – ехидно поинтересовался есаул. – Вот и наблюдайте за центральным входом, а у нас тут смотреть не на что, – и снова взвыл: – До дому я просилася, а вин мене ж все не пускав...

– Замолчи, Пацук! – взорвался майор. – Замолчи, гад, или сейчас вам вместо отдыха ученья устрою.

– Устраивайте! А я и там петь буду, – пожал плечами украинец. – До дому я просилася-а-а...

– Вот, мать вашу во время беременности, да на концерт бы Пласидо Доминго! – размечтался Раимов. – Не зря про вас в досье написано, что вы совершенно невосприимчивы к каким-либо видам воздействия. Но ничего! Мы свое еще возьмем...

Камера мигнула напоследок желтым глазом светодиода и, жалобно взвыв сервомоторами, бесславно «сдохла», поникнув на держателе. Все четверо спецназовцев дружно взревели, одобряя такое решение командира, пожалуй, впервые за два дня, почувствовав и единство душ, и общность желаний. Пацук горделиво посмотрел на своих сослуживцев, дескать, что бы вы без меня делали, а затем, вспомнив о не совсем еще заточенном зубе на Шныгина, фыркнул

и, сняв китель, завалился на кровать. Зибцих тут же потребовал от украинца отправить оный предмет экипировки в отведенное для него место, то бишь, в шкаф, но Микола в ответ на такое посягательство на суверенитет и самоопределение лишь презрительно фыркнул. Ганс пожал плечами и, взяв китель с табурета, демонстративно аккуратно повесил его в шкаф Пацука.

– Интересно, когда тете Маше убираться надоест? – задумчиво проговорил Шныгин, глядя на чистоплотного немца.

– А тебе что, плохо? – с ехидной ухмылочкой поинтересовался у старшины Пацук. – Пусть себе убирается. В конце концов, не в каждой воинской части персональная горничная у личного состава имеется.

И тут произошло то, что увидеть никто и не предполагал. Ефрейтор Ганс Зибцих, отличный снайпер, можно сказать, ворошиловский стрелок и очень воспитанный человек с нордическим характером, доброжелательный миляга-парень и т. д. и т. п., до сего момента спокойно выравнивавший стулья вдоль стены, вдруг остановился. Не говоря ни слова, Зибцих подошел к личному шкафчику есаула, открыл дверцу и, подняв дюралевую мебель над головой, высыпал ее содержимое прямо на оторопевшего украинца. Пацука такая выходка немца настолько шокировала, что Микола пару секунд сказать ничего не мог. А Ганс бессовестно воспользовался замешательством сослуживца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.